

Владимир Косатый

И добавьте немного лжи

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelodami

18+

Владимир Косатый

И добавьте немного лжи

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Косатый В.

И добавьте немного лжи / В. Косатый — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Не верите, что пришельцы строили пирамиды? Не верите, миром правят масонские кукловоды? Не верите в великие тайны? И Вы правы. Вы же здравомыслящий человек. А вот герои книги верили. И эта вера привели их в африканские джунгли. И там же она увяла. Но подождите. Откуда же берутся все эти истории? Неужели тут есть своя тайна? Так вперёд за ответом на вопрос, кто стоит за всеми историями о мировых тайнах и зачем они создаются.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владимир Косатый

И добавьте немного лжи

Всё описанное в этой книге является плодом фантазии автора.

Упомянутые тайные общества лжецов и учёных выдуманы. Принадлежность упомянутых в книге личностей к ним является отчаянным вымыслом, направленным на повышение скандальности – да позволено будет сказать – произведения. Все реальные личности использованы только для придания достоверности выдуманной истории.

Книга не рекомендуется к использованию в качестве учебного пособия, туристического гида или поваренной книги. Множество указанных фактов не соответствуют действительности и искажены в угоду сюжета.

Глава 1

– Чертовы москиты! Джонни, почему вы, заумные биологи, так и не придумали, как извести этих тварей. Нормальный цивилизованный человек даже пересечь африканские джунгли не может без того, чтобы не внести свой вклад в их малярийное пиршество.

Молодой человек, одетый по моде 19 века – вернее одетый по моде 19 века в его представлении, а значит одетый во что угодно, но только не в вещи, которые носили в 19 веке в любом уголке мира – презрительно пнул лежащий на тропе листок и продолжил свои жалобы. Его звали Пьер Лапурель, и он всей своей душой презирал дикую природу. Перед началом экспедиции всё в его воображении рисовалось совсем иначе. Возвращение в колыбель человечества, возможность познать все свои скрытые грани, ну и, конечно, раскрытие секрета, который изменит представление о развитии нашего вида и границах вселенной. Он даже успел написать полглавы своих мемуаров, которую посвятил этому историческому приключению. В скромном, но правдивом стиле уже были описаны пара приключений, которые просто обязаны были случиться с ним и его друзьями в пути¹.

К сожалению, действительность оказалось более простой и при этом суровой, жаркой, вонючей и болезненно кусающейся. Пьер это осознал уже на пятой минуте экспедиции, но решил сохранять достоинство и стоически сносить все трудности. Через десять минут экваториальный лес Конго услышал первые слова его жалоб на паршивость этого леса, достойного отдельного круга в аду Данте, на разумность затеи отправиться в этот проклятый всеми уголком страданий и, что было подчеркнуто неоднократно, на своих спутников, которые увлекли его с собой. При этом он не забывал пользоваться имеющимися у него средствами отпора наглой Африке и её природе. В правой руке он держал большой лист, сорванный с какого-то дерева на их пути. Лист постоянно был в движении и должен был дать отпор тропической жаре. В левой руке Пьера был зажат баллончик репеллента, который он постоянно распылял вокруг себя. Надо признать и лист, и средство от насекомых не были первыми и вскоре должны были последовать за своими предшественниками. Проводник Жером как-то заметил, что это очень мудро и в случае несчастья спасательная экспедиция быстро сможет отыскать их. Это послужило поводом для ещё одной двухчасовой лекции Пьера «О чёртовых шутниках, ведущих его по чёртовому лесу, в котором полно чёртовых представителей фауны, жаждущих его крови или плоти».

Помимо проводника и носильщиков, которые, во-первых, не понимали истинного смысла слов, а, во-вторых, получали более чем щедрую оплату за свой труд, мириться с этими стенаниями были вынуждены ещё два участника экспедиции. Первым из них был испанец Родриго Клеменсо. Самый старший в их компании авантюристов. Ему было около тридцати, хотя ему льстило, когда люди ошибочно приписывали несколько лишних лет. Глядя на него, вполне могло сложиться мнение, что он поставил перед собой задачу хранить максимально отстранённое выражение лица и никогда не проявлять эмоций. В противовес Пьеру он не проронил ни одного жалобного слова, хотя он имел наименьший опыт выживания вдали от цивилизации и без возможности воспользоваться услугами дворецкого, повара, парикмахера и кучи других людей. Он практически ни с кем не общался во время их экспедиции, кроме своих товарищей и редких уточняющих их месторасположения вопросов, адресованных проводнику.

Второй же был представителем Нового света. Его звали Джон Морган, и он отличался от своих приятелей рыжим цветом волос и на полголовы превосходящим их ростом. Также он явно считал, что должен компенсировать недостаточно соответствующее моменту поведение

¹ Безусловно в решении проблем участвовали и спутники Пьера, но основной моральной и интеллектуальной движущей силой был Пьер.

своих товарищей, и обычно именно он замедлял продвижение экспедиции, застряв за рассмотрением каких-либо растений или расспрашиванием их проводника о специфике этих мест. Конечно же, такое поведение только добавляло мотивации Пьеру избирать более витиеватые конструкции своих тирад.

В отличие от Пьера Родриго и Джон проявили более взвешенный и рациональный подход к их приключению. Одежда их больше соответствовала реальной обстановке, и их жёлто-зелёные рубашки и шорты не выделялись на общем фоне, а неизбежная грязь воспринималась без каких-либо эмоций. Пьер же страдальчески закатывал глаза каждый раз, когда ему на рукав падал обычный лист. Когда же представитель местной пернатой фауны пометил его костюм органическим клеймом, со стороны могло показаться, что не обычный француз скромных талантов участвует в экспедиции, а сам Чингисхан вернулся с того света, и сейчас он поведёт в бой свои тумены.

Последним достойным внимания участником этого действия – да, к сожалению, куча носильщиков и аборигенов-охранников по старой доброй традиции вынуждена остаться обезличенной, но можно заверить, что все они вернулись в свои дома живыми и с достойной оплатой – был проводник Жером. Он представлял собой цветастую мешанину европейских и африканских вещей, которая скреплялась его неизменной улыбкой. Казалось, что ширина его оскала добавляла ему лишних пять сантиметров к его небольшому росту.

Спутники Пьера первые пару часов экспедиции пытались поддерживать своего павшего духом друга и напоминали об историческом значении их путешествия. В отчаянии они повторяли его слова, сказанные, правда, ещё во Франкфуртском аэропорту, о фундаментальном значении открытия, которое им предстояло совершить. Но через пару часов после начала их похода они сдались и оставили Пьера тет-а-тет с его нытьем.

– Жером, сколько нам ещё осталось до земель бунси?

– Мы скоро будем на месте, месье Клеменсо. Скоро вы достигнете своей цели.

– Что-то подобное ты твердишь уже третий день подряд. Будь добр, скажи, что ты заблудился и завел нас неизвестно куда. Тогда я смогу с чистой совестью идти искать льва, которому я скормлю твоё брненное тело.

На черном лице проводника расплылась широкая улыбка:

– Чувство юмора месье Клеменсо сравнимо только с его щедростью и добротой. Но я не обманываю Вас. Мы действительно находимся рядом с границей бунси, просто тропа не ведет прямо к ним, как полет копья. Она крадется, как хищник к своей жертве. Но уверяю, уже сегодня вечером мы разобьём лагерь возле владений звездного племени, а завтра вступим на их территории и вскоре будем захвачены ими в плен.

Услышав эти слова, третий участник экспедиции Джон оторвался от своих заметок.

– Пьер, заткнись! Быстро иди сюда. Нам надо ещё раз обговорить план наших действий.

– Джонни, в том, что ты нормально себя чувствуешь в этих дебрях, нет ничего удивительного. Всё-таки ты американец, но я потомок древней и мудрой цивилизации с трудом переношу это возвращение в колыбель человечества. Как взрослый человек, который не может уместиться в своей колыбели...

Клеменсо улыбнулся, пригладил усы и, положив руку на плечо французского товарища, прервал его:

– Действительно, Пьер, хватит.

То, что Клеменсо был старшим из них – пусть даже только вплотную подступившим к тридцатилетию –, а скорее тот факт, что он был спонсором их экспедиции, заставило умолкнуть Пьера.

– Ещё раз пройдемся по фактам, которые нас сюда привели, и повторим, что и как мы должны выяснить. Джон, ты единственный учёный среди нас, тебе и карты в руки.

Джон Морган в этой экспедиции, среди прочих, исполнял роль научного консультанта, пусть даже его научная степень была связана с исследованием грибов. С другой стороны, Клеменсо Родриго и Пьер на эту роль подходили ещё меньше. Клеменсо был старшим сыном богатого испанского бизнесмена и в их компании нес ответственность за своевременные финансовые вливания. Пьер с Джоном до конца не понимали его мотивов. Поведение Клеменсо можно было оценивать, как желание богатого наследника празднично тратить семейное состояние. С другой стороны, он наравне с ними переносил все тяготы путешествий и при этом высказывал меньше всех жалоб. Пьер, в свою очередь, провозгласил себя духовным лидером компании друзей и соответственно считал своим моральным долгом пользоваться деньгами Клеменсо и руководить действиями Джона. Но основным навыком Пьера Лапуреля было красноречие, которое ему иногда приходилось использовать для продвижения торговой марки вина, производимого его дедом.

Джон пригладил свои растрёпанные волосы и попытался прихлопнуть комара на руке (оба действия претерпели фиаско). Сверившись со своими записями, он приступил к докладу.

– Значит так, первый шаг в нашем путешествии мы сделали на конференции в Ричмонде, посвященной представлениям о космологии у первобытных племен. Тогда мы в первый раз услышали о странном племени в центральной Африке, которое поклоняется посланникам с неба, принесшим им знания.

– Хочу напомнить, что я первым обратил ваше внимание на них.

Клеменсо отмахнулся от Пьера:

– Ты назвал их тупыми дебилами и предложил отправиться в бар.

– По крайней мере это пробудило вас обоих ото сна.

– Ладно, мы не забудем твой вклад, а теперь пусть Морган продолжит.

– Отличающей их от других похожих племен особенностью было то, что их «небесные отцы» оставили некоторые сведения о себе. Они живут на планете рядом с мерцающей звездой, которая раз в долгое время, когда успеет родиться и умереть множество великих вождей, стоит прямо над нашей планетой. Меня это заинтриговало так как парой месяцев ранее на лекции по астрономии я узнал кое-что о звезде под названием Вега. Предполагается, что она относится к переменным звездам, блеск которых меняется со временем. Также эта звезда каждые 26 тысяч лет является нашей полярной звездой. Позже мы нашли сведения, что вокруг Веги вращается как минимум одна планета. В библиотеке Парижа мы нашли исследовательский журнал одной экспедиции в Чад. Местные жители рассказали легенду о демонах, живших среди людей бунси. В свою очередь нас не может не поражать тот факт, что название звезды Вега произошло от арабского слова «падающий», а само созвездие Лиры, которому принадлежит Вега, у арабов называлось «Падающий орёл».

Клеменсо перевел задумчивый взгляд на юг, где их ждало таинственное племя:

– Что ж, очевидно, что эти сведения позволяют нам утверждать: в древние времена над территорией центральной Африки потерпел крушение инопланетный корабль. Представители другой планеты выжили и поделились своими знаниями о родной планете с приютившим их племенем.

Пьер злобно уставился на переставший исполнять свои функции баллончик со спреем, откинул его в сторону и подозвал носильщика:

– Если синьору Родриго всё ясно, напомните мне, какого черта мы здесь делаем.

Джон воспользовался случаем вернуть свое место в разговоре:

– Потому, Пьер, что нам нужны доказательства. Нам надо собрать легенды бунси, посвященные пришельцам. Проверить, сколько научных фактов есть в них, которые они сами не могли установить при помощи примитивных инструментов. Поэтому с сегодняшнего вечера мы переходим на военное положение.

– Слова истинного американского милитариста.

– К тому же вопрос, какими ещё знаниями с бунси поделились их возможные гости, – Родриго попытался немного снизить проклюнувшееся напряжение в их компании.

Джон же не обратил внимания на очередной выпад Пьера и продолжил:

– Мы заночуем, перейдя границу племен бунси. Велика вероятность, что ночью нас возьмут в плен. Тогда наступит твой звездный час, Пьер. Ты должен будешь для начала уболтать их воинов не убивать нас, а затем убедить их отвести нас к их старейшинам, жрецам или кто там у них отвечает за хранение и передачу легенд. После этого останется только одна мелочь – собрать все их легенды о пришельцах и сравнить их с имеющимися у нас научными сведениями.

Клеменсо ухмыльнулся и хлопнул своего французского друга по плечу:

– Месье Лапурель, это будет Ваш звездный час.

Пьер только ещё яростнее сдавил антикомариный спрей.

Джон попытался вернуть своих друзей к осмыслению их миссии:

– Если нам повезет, то уже завтра нас возьмут в плен, и мы вплотную приблизимся к ответам.

– Широкой улыбкой удачи для нас будет, если нас не убьют на месте.

– Жером, заткнись, будь добр.

– Я же говорил, что нам повезет.

Джон хотел бы, чтобы его голос излучал оптимизм, но даже он сам понимал, что определение паника средней тяжести было более справедливым. С другой стороны, сложно сохранять присутствие духа, когда первое, что ты видишь утром это толпа дикарей, тычущих в тебя своими копьями. Возможно, эти копья не являлись образцами высшего оружейного искусства, но со своей задачей проткнуть кого-нибудь они справились бы без особых проблем. Также оптимизма не добавляли взгляды, которыми одаривали пленников. В них читался простой вопрос, убить чужеземцев на месте или, забавы ради сначала погонять их по джунглям. Также некоторую нервозность в сложившуюся ситуацию вносило то, что нигде в округе не наблюдалось ни одного живого нанятого носильщика. Хорошей новостью могло быть, что и ни одного мёртвого нанятого носильщика тоже не было видно в их лагере. Если бы не общий нервный фон, Джон был бы не против порассуждать: сбежали ли они из-за приближения бунси, или побег случился ещё ночью. Но сейчас этот вопрос мог подождать.

– Пьер, твой выход.

Пьер и Джон с удивлением посмотрели на Родриго. Впервые они услышали, как их надменный, постоянно хранящий хладнокровие друг говорил хриплым голосом. Станным образом это придало им заряд бодрости, и Пьер обратился к их проводнику:

– Дорогой Жером, если ты хоть чуть-чуть налажаешь с переводом моей вдохновенной речи, то я обещаю, что ещё не успеют эти отвергнутые радостью бунси обглодать мои последние кости, как я устрою милое гнездышко в твоей голове и до конца твоих дней буду в твоих снах рассказывать лекции о великих французских импрессионистах.

Улыбка пропала с темного лица проводника:

– Смею уверить, месье Лапурель, бунси не практикуют каннибализм.

– Ладно, заткнись, в смысле переводить только то, что я буду говорить. Скажи этим дьяволам, что слава о мужестве и отваге этих дикарей распространилась по миру так далеко, что, если бы самая сильная антилопа (ну или кто тут у них из зверей любит побегать, Джонни, не стой пнём, помогай) бежала бы без остановки, пока луна трижды не станет полной и трижды спрячет своё лицо от наших глаз, то даже в тех краях лились бы песни славы о воинах бунси.

После тычка, полученного от Клеменсо, Жером быстро затараторил на странном шелкающем диалекте. А Пьер не останавливался в своих описаниях доблести бунси, которым похоже были посвящены целые научные институты. Бунси явно одобрили красноречие Пьера, и их

копья уже не были направлены на троих пришельцев. Даже не умолкающий ни на минуту Жером смотрел на Пьера с некой долей восхищения.

– Но есть что-то, что превосходит славу и отвагу бунси.

Копья вернулись в исходной положение, во взглядах бунси снова вернулась мысль об убийстве пленников на месте.

– Это великая слава о мудреце из племени бунси. Имя его звучит меж звезд. Мудрость, которой он обладает, затмевает всё. О знаниях, которыми он обладает, ходят легенды. И только самые дерзкие, из живущих под великой звездой, мечтают обладать сотой частью крупницы его знаний.

Копья снова вернулись во второе, миролюбивое положение. Туземцы начали перешептываться между собой и чаще всего в их разговорах слышалось слово Когто.

– Да, мы пришли к великому и многомудрому Когто. Но мы пришли не для того, чтобы выпытывать секретные знания бунси, но, чтобы припасть к ногам Когто, вручить наши дары и выразить наш трепет перед ним.

После того, как Пьер умолк, бунси отошли в сторону, где начали громко совещаться между собой.

– Странно. Почему они не оставили никого сторожить нас?

Вопрос Джона снова вернул улыбку на лицо проводника.

– А что месье Морган серьёзно рассчитывает на то, что вам удалось бы в джунглях убежать от выросших в этих лесах бунси?

– Действительно, Джон, постарайся взять себя в руки. А ты, Жером, объясни, что значит «вам убежать»?

– Месье Клеменсо, Жером дожил до своих лет в этом страшном мире, потому что всячески избегал глупых поступков.

Тем временем, похоже, бунси достигли соглашения между собой и огласили окрестности криком, который поддержала стая обезьян, с интересом наблюдавшая за происходящим действием.

Подошедший воин грозно потряс копьём и, повторив клич «Когто», начал свою речь, которую услужливо переводил Жером:

– Ни один гакхун² не может сравниться с бунси в мужестве. Но мудрость бунси говорит, что самое великое мужество для гакхун признать свою ущербность. Вы показали, что вы мудрые гакхун. Мы отведем вас в деревню, рядом с которой живет Когто, где вы сможете упасть ниц перед мудрым Когто, облобызать землю перед его ногами и вручить ваши дары.

Пьер оторвался от бутылки с водой, которую не отпускал с момента окончания своей вдохновенной речи, и радостно прохрипел:

– Ура.

– Кстати, Пьер, про какие ещё дары ты им напел?

Пьер никак не прокомментировал этот вопрос. Как только он закончил утолять свою жажду, им одели на головы мешки, которые помимо затруднения функции дыхания, пытки странной вонью и увеличением мук, производимых жарой, отлично справлялись с первоочередной задачей – сокрытием от глаз всей возможной информации об окружающей действительности. При этом своими криками, которые в данном случае уже не нуждались в переводе, и болезненными тычками копий бунси передали сообщение о том, что пленникам нельзя расслабляться, их ждёт путешествие в деревню бунси.

² Как позже объяснил Жером, гакхунами бунси называют всех живых не принадлежащих к племени бунси. Для мертвых существовало порядка шестидесяти определений. В основном они отличались количественным аспектом: «один глупец, напавший на бунси», «два глупца напавших на бунси»

От этого перехода у приятелей сохранились лишь неприятные воспоминания. Постоянные тычки, множество падений – к сожалению, дорога, по которой их вели не оказалась приспособленной к потребностям слабовидящих людей – всё это заставляло думать пленников бунси, что они идут не меньше трёх суток. Аккомпанементом для их страданий был практически не прекращающийся смех бунси после очередного падения. Если Джон, Пьер и Клеменсо начинали проявлять зачатки сил предвидения и, хотя бы минуту ни один из них не отправлялся в объятия коричневой земли, бунси вспоминали мудрость, согласно которой нельзя всегда надеяться на милость бог, и избранному счастливчику помогали снова ощутить силу притяжения. Подобное положение вещей смогло вывести из равновесия даже Родриго, который начал сопровождать каждое своё падение заклинанием *Mierda*.

К счастью для искателей приключений, как и большинство других, их дорога обладала концом. По их внутренним часам спустя пять дней непрерывной ходьбы их втокнули в хижину, где с их голов были сняты всё также мерзко пахнущие мешки.

– Да, это место точно не претендует на статус звёздного курорта. Уж слишком у них сервис не на уровне, – Джон выразил общее мнение после беглого осмотра места их заключения.

Когда глаза привыкли к полутьме хижины, Пьер первым делом бросился к стоявшему у входа кувшину с водой и яростно принялся оттирать испачканные в африканской грязи детали своего гардероба. После того, как вся находившаяся в сосуде вода была использована на попытки вернуть изысканный вид шляпе (с пером; перо утеряно во время первого ночлега и, если слова действительно обладают материальной силой, то стараниями Пьера у обезьян и их потомков, укравших перо, не было бы ни единого шанса продвинуться в своей эволюции хотя бы в сторону более гордой осанки), манжетам рубашки и перекинутому через плечо ремню, потомок древнего аквитанского рода проявил необычайную для него лаконичность в ругательствах.

В это время в хижине стало немного светлее. Как можно догадаться, причиной этого было появление проводника, которому похоже удалось восстановить душевное равновесие, а вместе с ним и привычную широкую улыбку. Оценив ситуацию, Жером оскалился ещё шире:

– Не хочу осуждать господ, но мне кажется решение вылить всю воду, которая нам была предоставлена до следующего рассвета, возможно, не было разумным решением.

Молчание первым нарушил Джон.

– Твоё прекрасное расположение духа вдохновляет и нас, но у меня есть пара вопросов. Во-первых, где ты сейчас шлялся? А во-вторых, это не твой смех я слышал, когда упал в муравейник?

Ответ на последний вопрос явно заинтересовал и Клеменсо, который до этого педантично осматривал место их временного пребывания. У него тоже случилась пара десятков досадных казусов во время их перехода в деревню бунси.

– В своё оправдание, месье Морган, я могу только сказать, что выглядело это очень забавно.

– Стоп, Жером. Что значит выглядело? Тебе, что, не напялили мешок на голову?

– Прозорливость месье Родриго всегда восхищала меня.

– Перестань заговаривать нам зубы и отвечай на вопрос.

Попытка Жерома выглядеть раскаявшимся была достаточно красноречивой.

– Так, ясно. И чем же ты заслужил такое признание?

– Месье Морган, я просто сказал, что нет нужды прятать мои глаза, так как давным-давно я уже посещал старца Когто.

– Так, Джонни, Родриго, будьте любезны, подержите эту сволочь, пока я буду пытаться сломать эту палку о его голову. Только ответь мне, какого дьявола мы стремились попасть в плен к бунси, если ты и сам мог отвести нас к старцу.

– Месье Пьер, мне кажется, ответ очевиден. Я просто соврал бунси.

Выражение лица Пьера, у которого как будто на глазах устрица встала с тарелки и исполнила арию Аиды, танцуя при этом болеро, сразу улучшило настроение Джону и Родриго. Но друзья быстро взяли себя в руки и продолжили допрос проводника.

– Так всё-таки, где ты сейчас пропадал?

– Главные копы бунси интересовало, действительно ли господа могут преподнести дары, которые не оскорбят великого Когто, потому что в вашем багаже они ничего достойного не нашли.

– Они рылись в моих вещах? Боже, мне придется теперь всё продезинфицировать.

– Месье Пьер, смею Вас успокоить. Вам не придётся этим заниматься, поскольку почти все вещи были выкинуты в джунгли.

– Что?! Они выкинули мой набор шейных платков?

– К чёрту твои галстуки! Они выкинули мой ноутбук?

– Они сказали, что это испорченное зеркало, и в нем может жить плохое колдовство. Мне искренне жаль, месье Морган. Возможно, это вас утешит, но некоторые вещи мне удалось спасти. Правда, многое всё же я не успел отобрать у местных обезьян. Уворачиванием от их зубов я и занимался последние полчаса.

Жером положил на пол свой вещевой мешок, и три заинтересованных взгляда начали нетерпеливо изучать его содержимое.

– Так значит в нашем распоряжении только этот хлам?

– Кстати, Пьер, объясни всё-таки, какого чёрта ты начал петь им о наших не существующих дарах?

– Знаешь, Джонни, я не был так напуган с тех пор, как мой дед поймал меня за поеданием его лучшего винограда.

– Самое яркое впечатление детства?

– При чем тут детство, Родриго? Это было два года назад. Впрочем, вы должны быть благодарны мне, что я не пообещал им отшлифовать все камни в реке Конго. В принципе, я готов был обещать всё, что угодно, только бы они не сделали из меня подушечку для своих копеек. В конце концов, моей задачей было обеспечить наше попадание в деревню. Я со своей задачей справился, теперь настала ваша очередь.

Джон раскрыл рот, чтобы высказать своё мнение о том, как Пьер справился со своей задачей, но его остановил Клеменсо.

– Не стоит тратить время на препирательства. Надо признать, отчасти Пьер прав и нам надо сосредоточиться на решении текущей задачи. К тому же у меня возникла одна идея, что мы можем подарить Когто из имеющегося у нас хлама.

Произнося последние слова, он с улыбкой смотрел на Пьера.

– Мне она уже не нравится.

– Мне не нравится твоя идея, Клеменсо, и я практически уверен, что мы скоро воссоединимся с нашими вещами в дебрях этих лесов.

– Пьер, я уже понял твою скептическую оценку моего плана. Но другого плана никто не предложил. Бери пример с Джона, видишь, как он сосредоточен.

Джон нервно поправил свою шляпу. Попытался пнуть лежащий возле дороги камень. Всё своё время они посвятили подготовке к осуществлению придуманной Клеменсо фантазмагии. Они готовили свой скудный реквизит, репетировали свои роли и при этом не переставали ругаться друг с другом. Их споры были прерваны вечером, когда воин бунси принёс им радостную весть, что великий старец Когто проявил свою милость и желает видеть чужеземцев, принесших ему дары. Джон быстро подхватил свёрток, над которым они работали последние несколько часов и первым вышел из хижины. Вид его ноши вызвал волнение в рядах их тюремщиков. Выскочивший следом Жером протараторил какую-то фразу, что несколько успокоило

их эскорт. Уже знакомый им воин бунси грозно прорычал что-то в ответ и остатки исследовательской экспедиции, окружённые отрядом дикарей, отправились к пещере, где Когто хранил свои великие секреты.

– Жером, хочешь я угадаю, что за диалог произошёл между тобой и нашим треклятым другом головорезом-бунси. Ты сообщил ему, что в этом свёртке, состоящим, кстати, в основном из моей одежды, находится наш дар их мудрецу, а он заявил, что нам лучше не стоит разочаровывать их клятого Когто.

Жером всё также не переставал улыбаться своим нанимателям. В то же время Родриго догнал Моргана и вполголоса спросил его:

– Джон, я надеюсь, ты не собираешься впадать в прострацию. Для того, чтобы выжить и достигнуть нашей цели мы должны до конца сохранять контроль над собой. Каждый из нас должен отыграть свою роль.

Джон вздрогнул, нервно оглянулся на воинов бунси и быстро зашептал:

– Я и не думаю впадать в истерику. У нас и так забот хватает. Просто мы ведь так и не придумали, как довести наш дар до логического завершения, а без него, боюсь, великого старца нам не поразить.

– Не переживай, Джон, будем импровизировать на месте. Другого выхода у нас нет.

– Но ты ведь понимаешь, что даже если нам повезет, то срок действия нашей удачи ограничен 40 часами?

– Да. И ответ на твой вопрос столь же очевиден, через 40 часов, если всё пройдет по плану, мы должны будем двигаться прочь от этой глуши, причём двигаться с максимальной возможной скоростью.

В столь противоречивом состоянии компания искателей древних секретов достигла входа в пещеру Когто. Первыми, освещая путь остальным, в пещеру вошли дети и старики племени бунси, следом в сопровождении дюжины воинов, руки которых всё также были заняты их копьями, в дом старца вступили чужестранцы.

Углубившись в пещеру на пару сотен метров, путники оказались в относительно просторном гроте. Как только последний воин занял своё место в гроте, самый старый на вид бунси начал напевать унылый речитатив. Его тут же подхватили остальные старцы и несколькими мгновениями позже пришедшие в пещеру дети. Последними к этому концерту присоединились воины.

– Какое милое представление, но давайте не будем просить повторять его на бис. Всё-таки до подмостков Ла Скалы им далеко, – хотя Пьер пытался говорить шепотом, эхо его голоса внесло свою абсурдную и при этом достаточно отчетливую нотку в общее песнопение. Это не осталось незамеченным и ближайший к ним воин, не переставая напевать, направил копьё в сторону Лапуреля. Пьер всем своим видом старался показать, что он осознал свою ошибку, очень в ней раскаивается и больше ни в коем случае не внесет диссонанс в происходящее священнодействие, а в обмен на это он смиренно просит не пытаться проткнуть его этой острой штукой.

Пока длилась эта пантомима, песнопения прекратились и в грот вошел, как можно было догадаться, Когто. Все бунси незамедлительно распластались на земле. После некоторой заминки, вдохновленные примером Жерома, который, как показалось Моргану, рухнул ниц даже раньше самых расторопных дикарей, Клеменсо, Пьер и Джон также распластались на полу пещеры.

В наступившей тишине отчетливо зазвучал похожий на треск сухих веток голос Когто. Спустя всего мгновение Жером, не меняя своей позы, приступил к исполнению обязанностей переводчика.

– Великий Когто говорит, что ему передали слова чужаков и, хотя это невероятно, но среди их кваканья он слышал крупную разумных слов. Но Когто стар, и Когто знает, что очень

часто перед лицом смерти у глупцов, ступивших на их земли проявляется в голове, и они перестают использовать её только как средство ношения украшений. Однако, они всё равно остаются глупцами и, как только великая кошка смерти выпускает их из своих когтей, в их черепах вновь воцаряется тишина. Так что если чужестранцы желают покинуть священную пещеру самостоятельно, а не мертвым грузом на плечах могучих воинов бунси, то лучше бы им доказать, что всходы их мудрости не растут только на помёте страха.

– Ну что ж, наше представление начинается. Твой выход, Пьер, – не подымая головы произнёс Родриго.

– Ничего, этого мы от них и ожидали. Жером, не отставай.

Пьер, не отрывая своих коленей от земли, поднял голову и начал свою речь и тут же, словно странное эхо, зазвучал голос проводника. И два голоса говорили одно. Два голоса говорили, что действительно, тот, кто вступает во владения бунси должен быть либо безумен, либо достаточно глуп и не видеть ждущей его смерти. Ибо прийти в землю бунси ты можешь по своему желанию, но покинуть её можно только с позволения Когто. Но мудрецы страны, откуда они пришли, знают об этом и поэтому не тревожат владений великого племени (это вызвало одобрительный смех присутствующих бунси, который был тут же прерван, как только недовольно сморщилось лицо Когто). И если бы не великая нужда, которая вынудила их искать мудрости Когто и тайных знаний, хранимых им, то они бы не рискнули бы потревожить великого старца. Но они понимают, что это только слова, а многомудрый Когто знает их вес, который равен весу вчерашнего ветра. Поэтому они принесли с собой нечто более ценное, что может показать, как велико их благоговение перед Когто и детьми его, бунси. Мудрецы их земель понимают, что, даже если собрать всё зерно с их земель, все их копья, все вещи, что есть у их народа, то этого будет недостаточно, чтобы выразить всё их благоговение.

Во время пламенной речи Лапуреля Джон решил рискнуть и повернул голову так, чтобы мог видеть, как Когто реагирует на слова Пьера. Похоже последние слова не вызвали особо сильного эффекта, и старец всем своим видом показывал, что материальные дары были бы прекрасным средством доказать разумность пришельцев. Но Пьер продолжал свой монолог.

– Поэтому наши вожди вручили нам то, что лучше всего покажет наше уважение и признание величия бунси. То, что является величайшей ценностью и тайной нашего народа.

После этих слов Пьер злобно зашипел:

– Тебе понравилось валяться в этой грязи? Если да, то эти милые воины растянут это удовольствие до окончания вечности.

Но слова француза предназначались скорее для снятия внутреннего стресса, так как с последними его словами, предназначенными Когто, Клеменсо с Джоном вскочили и принялись распутывать принесённый ими свёрток.

И вот дар был распакован и поставлен перед Когто, который с нескрываемым любопытством следил за суетой чужаков. Когда Родриго с Джоном сделали шаг назад от своего подношения, то Пьер, поймав вопросительный взгляд старца, продолжил свою речь, но теперь она не звучала громко и звонко. Лапурель понизил свой голос и старался, чтобы его речь приобрела более таинственный оттенок.

– Нет ничего в этом мире, чего воины бунси, если это им потребуется не отберут силой. Ты можешь построить великую хижину и спрятать свои сокровища в ней, но воины бунси разрушат её и заберут твои сокровища. Ты можешь проглотить драгоценные камни, но воины бунси вспорют твой живот и заберут то, что им надо. Ты можешь попытаться убежать за великое море, но воины бунси преодолеют его, и ты заплатишься за свою дерзость. Если бунси что-то захотят, то они это получат.

Каждое предложение Пьера сопровождалось всё более возрастающими возгласами одобрения бунси, и даже Когто не пытался их присмирить. Хоть он и сохранял бесстрастное выражения лица, но при этом поддерживал ритм возгласов соплеменников притоптывая ногой.

– Но наши мудрецы нашли дар, который воины бунси не могли бы добыть с помощью своей силы и отваги.

Ответом на это стала абсолютная тишина, которая сопровождалась взглядами разозлённых бунси. Некоторые из них подчёркнуто внимательно смотрели в сторону Когто, ожидая его приказа убить пришельцев, доказавших свою очевидную и кричащую глупость. Но старец хранил молчание и пристально смотрел на Пьера. В тишине только начал раздаваться голос Джона, который и сам не заметил, как начал нервно бубнить себе под нос:

– Только бы нас сейчас не прибили, только бы нас сейчас не прибили, только ...

Его прервал малозаметный, но вполне эффективный тычок локтем Клеменсо. В наступившей тишине Лапурель с ещё более трагичным голосом (в его представлении это был достаточно громкий шепот) продолжил

– Наши мудрецы методом проб и ошибок, ценой жертв своих братьев долгие годы искали способ поймать дух света и заставить его служить. Многие пали в этой борьбе, многие сгорели под взором духа света. Но те, кто выживали, учились на их ошибках. И вот заклятие призыва было найдено, и мы научились призывать и сковывать духа, но, увы, даже у самых смелых наших воинов не хватало отваги, чтобы хранить связанного узами духа, и наши мудрецы приняли решение отдать этот секрет в руки тех, кто больше всех из живущих под солнцем достоин этого дара.

Рука Пьера указала на предмет, стоящий перед Когто:

– Это сосуд, в котором можно заключить духа. А с позволения Когто, мы призовём и заключим в нём дух света, который станет верным рабом племени бунси. И если дар удовлетворяет Когто, то для них будет честью услышать истории, прославляющие величие бунси.

В толпе бунси поднялся шорох переговоров, и друзья видели, что некоторые бунси кивают, что, как они надеялись, означало одобрение их дара, а не кем-нибудь высказанной идеи убить чужеземцев и расходиться, так как на них и так было потрачено много времени, и все успели проголодаться. В конце концов поднявшееся волнение вновь умирил Когто взмахом своей руки. Когда его соплеменники замолчали, он встал и начал говорить:

– Чужаки достаточно мудры, чтобы осознавать, что не каждый дар может быть достоин бунси. Но глупость чужаков заставляет не переоценивать принесённый ими дар. Все духи мира этого и иного почитают за честь общаться с Когто, когда он их призывает. И если бы Когто захотелось, то он сам бы заключал в рабство нужных ему духов. Так что дар чужаков бесполезен для Когто.

– Вот старый, упёртый засранец, – сжав кулаки так, что побелели костяшки, прошипел Пьер. – Такую великую речь с дерьмом мешает.

– Мы сами понимали, что старец может взбрыкнуть и испугаться потерять авторитет у соплеменников, – попытался успокоить друга Морган.

– Но я вижу, что глупость чужаков не столь велика как обычно, – продолжал тем временем переводить слова старца Жером. – Вряд ли возможна большая мудрость у гакхун, не принадлежащих бунси. Так что Когто принимает дар пришельцев. Он будет полезен для того, чтобы показывать превосходство бунси их глупым соседям, которые время от времени забывают об этом. Но Когто хочет предупредить, что, если чужаки замышляют подлость в отношении Когто и прикажут призванному духу убить его, то пусть они знают, что бунси отомстят за коварство гукхунов, и смерть их будет долгой и мучительной. Но даже после смерти в мире теней им не будет покоя, потому что могущество Когто распространяется и на тот мир. Когто найдёт их там, и агония станет их вечностью.

Услышав последние слова, Клеменсо хлопнул в ладоши и, улыбнувшись своим спутникам, сказал:

– Часть первая нашего плана «Заболтай дикарей» завершилась успешно. Приступаем ко второй части нашего спектакля «Безумная пляска». Господа, я верю, что ради спасения наших жизней вы сейчас проявите все свои таланты. Джон, приступай.

Морган начал ритмично хлопать и притопывать ногой, при этом напевая песню группы Queen „We will rock you“. Тем временем Пьер, раскинув руки, начал вращаться вокруг своей оси, заывая и время от времени выкрикивая матерные слова на латыни. Последним к импровизированному хору присоединился Родриго. Он начал напевать какую-то народную кастильскую песенку и, гротескно перепрыгивая с ноги на ногу, начал изображать, что он кого-то гонит к предмету перед Когто. Изображаемая Клеменсо борьба не была легкой. Его невидимый противник юлил и явно не хотел направляться в ловушку. Иногда казалось, что дух начинает побеждать, и Родриго не удастся его удержать. В такие моменты Клеменсо удалялся от своей цели и лишь ценой невероятных усилий ему удавалось не дать сбежать духу. Он убыстрял свои прыжки, ускорял свои песнопения, всё громче и громче выкрикивая слова. Его порывы поддерживали и остальные ловцы духа.

Джон сдвинулся с места и, не переставая отбивать ритм и напевать мировой хит, начал скакать рядом с Клеменсо. Через некоторое время с места сдвинулся и Пьер, который продолжал вращаться, как юла, и уже не ограничивал себя латынью, сквернословя на всех известных ему языках. С трёх сторон они гнали духа к его будущему узилищу. И вот каждый из них стоял в паре метров от сосуда. Они уже не пели, а кричали каждый свою партию. Даже заносчивые бунси решили проявить осторожность и с беспокойными выражениями лиц старались максимально приблизиться к стенам пещеры. Было очевидно, что большинство приняло решение отомстить за смерть Когто, и ради этой цели они согласны выжить в данный момент.

Когда исступление импровизированной труппы достигло апогея, они синхронно подпрыгнули и рухнули, устремив руки к цели этого представления. В этот момент Джон с ужасом понял, что он подобрался недостаточно близко и не может выполнить свою часть плана. В одно мгновение его пробил холодный пот, который тут же сменился волной жара. На его счастье в наступившей тишине где-то в стороне выхода их пещеры что-то гулко гроыхнуло. И все бунси, как один, вздрогнули и устались в ту сторону. Воспользовавшись моментом, Морган совершил змеинный рывок и, стараясь действовать, как можно быстрее, ткнул пальцем куда-то в основание их дара. Пещера наполнилась ровным синим свечением противокомариного фонаря. Сердце сжалось от счастья, и он также услышал радостные³ выдохи его компаньонов.

Благодарная публика высоко оценила увиденное чудо и среди бунси начались интенсивные дискуссии о том, нужен ли племени, пойманный дух или нет. Эффектную точку этим прениям положила некий представитель местной мошкары, который залетел в лампу и вызвал небольшой разряд. Умение отнимать жизнь, пусть даже у мелкого насекомого, было единогласно признано проявлением силы заключенного духа и подтверждено немедленным падением ниц присутствовавших в пещере бунси. Страх перед призванным чужаками духом не проявил только Когто. Он встал, его суставы хрустнули, и он неспешно поковылял к фонарю. Весь его вид показывал, что он общается со странным существом из другого мира. Взгляд его был устремлен на фонарь, губы его заметно шевелились, а руки перебирали костяные бусины на его посохе. После недолгого диалога с нематериальной сущностью старик кивнул и, повернувшись к своим соплеменникам, произнёс две фразы:

– Дух признал власть Когто. Чужестранцы доказали свою мудрость.

Хоть эти фразы перевёл Жером, мгновенно оказавшийся вновь рядом с троицей друзей, но каждый из них был уверен, что они и так поняли смысл слов мудреца.

Тем временем Когто повернулся к троице искателей приключений и истины, заговорил, обращаясь уже только к ним:

³ Прежде всего радость выдохов заключалась в том, что производящие их люди не утратили возможности дышать.

– Вы доказали свою мудрость, поэтому вы достойны узреть тайны бунси, тайны сынов неба. Следуйте за мной, дабы узреть великую историю.

После этих слов старик заковылял в сторону темной ниши и исчез в ней. Последовав за ним, путники обнаружили, что на самом деле ниша являлась ещё одним выходом из грота. Первым в туннель, не проявляя и капли страха или сомнения, вошёл Родриго, после небольшой заминки за ним последовали Джон, Пьер и Жером. На этот раз их сопровождали только три воина бунси.

Через пару сотню метров туннель привёл их к новому гроту. Когто уверенно обходил грот по периметру и зажигал всё новые факелы. Друзья смело вошли в сокровищницу тайн бунси и только тогда заметили, что двое из сопровождающих их воинов распластались на земле, а третий, уже знакомый им здоровяк, смело впери́л взгляд себе под ноги и всем видом показывал, что ничто не сможет отвлечь его от великой миссии разглядывания каменного пола.

Но поведение бунси отвлекло их только на пару секунд, потому что с каждым зажженным факелом их взору представляли всё новые и новые вырезанные на стенах грота изображения.

– Чёрт подери, тут изображены какие-то люди, явно не относящиеся к бунси.

– А у меня тут похоже изображен морж. Откуда дикари с экватора могут знать, как выглядит морж?

– А у меня тут явно что-то похожее на летательный аппарат.

– Мать моя женщина, тут изображена война.

Только Жером не проявлял к наскальному искусству никакого интереса. Всё его действия были направлены на попытку вывести из равновесия сопровождавших их воинов.

Вероятно, хаотичные перебежки продолжались бы и дальше, но Когто откашлялся и начал свой рассказ, чем моментально восстановил порядок в потерявшей стройность мыслей компании. Он направил свой посох на первую картину.

– Когда-то давным-давно бунси владели всеми землями насколько простирался взор птиц. Все боялись их и несли им дары. Воистину, это было счастливое время. Но однажды всё изменилось. С севера пришли полулюди, и оружие их летело дальше, чем мог кинуть копьё самый сильный бунси. Они выучили местные языки и собрали вокруг себя всех подлых трусов, мечтавших вонзить свои копья в последнего младенца крови бунси. Сезон за сезоном они отбирали то, что принадлежало бунси по праву. Когда казалось, что не осталось надежды на победу, случилось то, что изменило ход войны. Бунси удалось захватить живым одного из пришельцев.

Посох устремился к другой картине и начал по ней стучать будто бы старик хотел причинить вред изображенному на нём человеку.

– Господи Иисусе, это же вылитый неандерталец. Неандертальцы в Африке, это просто ядерная бомба. Ну почему эти идиоты не могли использовать органические краски, гадай сейчас, сколько лет этим изображениям.

Когто устремил свой суровый взгляд на Пьера. Он, а также подзатыльник от Моргана, заставил аквитанца усмирить свои эмоции.

– Он долго молчал, но боль взяла свою плату, и он заговорил. Он рассказал, что раньше они жили в белой стране. Еды им хватало и были они спокойны. Но однажды с солнцем пришли другие люди, и они начали теснить его предков. В конце концов у них не осталось выбора, как только броситься с последней скалы и плыть. На их счастье и к горю бунси часть мужчин и женщин добрались до другой скалы. Скалы, где не было людей, пришедших с солнцем. Но страх перед прошлым погнал их дальше и шли они пока не достигли земель бунси.

Морган, стараясь не заглушать речь Когто, быстро зашептал:

– Похоже пришедший неандерталец рассказал тому Когто о пришествии кроманьонцев, которые их вытеснили. Бунси неправильно поняли выражение «пришедшие с солнцем». Очевидно, что тот имел ввиду пришельцев с востока.

Родриго кивнул и в тон Джону ответил:

– Да. Также очевидно, что предки бедного страдальца были с Пиренейского полуострова. Тем временем Когто продолжал:

– Тот, кто был тогда Когто. Тот, кем я был тогда. Он был уже достаточно мудр и понял, что только посланцы солнца могут нас спасти от этих зверей. Долго и неистово молился народ бунси. Мы не жалели никого: ни своих врагов, ни своих рабов, ни своих жен, ни своих детей. Когда не хватало тел для великого подношения детям солнца, даже сами воины резали себе горло. Но посланники солнца всё не отзывались на наши молитвы. Любое другое племя оставило бы свои попытки спасти себя и мир вокруг, и сдалось бы на волю судьбы, но бунси в каждой битве бьются до последнего воина. И вот, когда земля стала красной от наших жертв, посланники солнца услышали нас. В тот день по преданию, которое стареющий Когто передаёт своей новой оболочке, солнце вспыхнуло и послало свою часть нам. Все наблюдали, как падает послание солнца, и все бунси ликовали, потому что знали: война кончилась в тот день.

Когто проковылял пару шагов к следующей сцене, изображенной на стене.

– Лучшие из мужей бунси отправились встречать посланников солнца. Уже первый их шаг на земле заставил всех содрогнуться, и самые старые деревья склонились перед теми, кого послало ради нашего спасения светило.

– Мы были правы! Мы были правы! – радостно сжав кулаки зашептал Родриго. – Даже самому себе я порой не верил и думал, что просто схожу с ума, если могу верить в это, но теперь мы точно знаем, что здесь разбился инопланетный корабль, и теперь нас ничто не остановит, и мы найдём место его падения. Пусть ради этого мне своими руками придётся расчистить всю территорию Африки.

Для Пьера столь эмоциональная реакция их невероятно хладнокровного товарища была не меньшим потрясением, чем рассказ старца. Всё-таки что-то подобное присутствию пришельцев в далёком прошлом на Чёрном континенте они предполагали, но такое поведение испанского аристократа он видел впервые. В свою очередь Джон не мог позволить себе отвлечься, так как руки его были заняты конспектированием слов Когто, а в голове крутилась только одна мысль, что лежащий в кармане диктофон уловит все до единого слова этого невероятного рассказа в переводе Жерома.

– После долгого пути к месту сошествия посланников солнца избранные достигли своей цели и нашли тех, кто был послан для нашего спасения. Все до единого бунси из тех, кому выпала честь первыми встретить детей неба, рассказывали, что нет таких слов, чтобы описать, как могучи были посланники. Даже земля светилась от радости, что на ней стоят великие. Бунси слезно молили принять их дары и почтить Когто. И посланники, едва услышав это, отправились к Великой пещере.

Когто продолжал свой неспешный путь вдоль стен грота, и друзьям казалось, что при его приближении картины прошлого сами по себе начинают оживать. Старик рассказывал, что пришедшие с солнцем заверили вождя бунси – они пришли, чтобы покарать всех глупцов, воюющих с бунси. Далее он в красках описал, как уничтожались враги бунси. Троице слушателей только и оставалось гадать, какое оружие описывал Когто в своих историях, но ясно было, что оно было безумно мощное и разнообразное.

– И вот война была закончена, не осталось ни одного большелобого захватчика. После последней битвы вождь бунси и Когто пригласили к себе посланников солнца, и спросили, покинут ли они земли бунси или и дальше будут заботиться о верных слугах солнца. На это голос посланников ответил, что нет большей радости для них, чем смотреть на жизнь могучих бунси, но солнце запрещает им быть слишком долго в этом мире, и им надо возвращаться. Однако, сами посланники столкнулись с большой бедой. Они так спешили на помощь бунси, что птица, которая несла их, заболела и умерла. Теперь путь домой для сынов солнца стал сложнее в сотни раз, и они требуют, чтобы бунси расплатились за своё спасение. Вождь, вско-

чив, сказал, что утром отправит всех до единого своих воинов и, если посланникам это нужно, они переловят всех птиц, живущих под этим небом. Голос ему ответил, что нет в этом мире птицы, которая могла бы их отвезти. Это удивило вождя: неужели так тяжелы посланники, что пусть даже тысяча птиц не поднимет их и не отнесёт к солнцу. Тогда Голос сказал им, что солнце, которое слышало их молитвы не то, что видят они днём, а то, что проявляется в ночи.

Когто умолк, обвёл взглядом своих слушателей и, словно делясь великим знанием, сказал:

– Знайте, глупцы! То, что вы считаете маленькими искрами звёзд, на самом деле те же солнца, что освещает наш день. Но место, предписанное им порядком, находится намного дальше, чем наше солнце. И сказал Когто, расскажите нам о нём, чтоб знали мы, куда направлять наши молитвы. И поведали они о своём великом отце. Назвали они его мерцающим, так как по-разному смотрит он на миры. Он окружен семенем своим, из которого может по воле своей создавать новые миры. И для сынов своих создал он из семени своего мир, где постигают они мудрость им дарованную, где растут самые могучие птицы, которые могут путешествовать между мирами. Также сказали они, что раз в много лет, во время которых успевают народиться и погибнуть сотни сотен воинов, их отец встает над вершиной этого мира и смотрит на нас, и решает, кто, из живущих здесь, будет наделён его милостью. Сейчас защита и благословение его даровано бунси.

Теперь уже Джон не мог сдержать свои чувства:

– Информация о Веге была верной на тысячу процентов. И то, что бунси знают о том, что это переменная звезда. Только мерцанием пришельцы с Веги и могли объяснить суть своего дома дикарям-бунси. И то, что она исполняет роль полярной звезды. Ну и вдобавок, мы получили кое-что новое. Установлено, что вокруг Веги вращается диск из звёздной пыли, и в этом диске находится минимум одна планета. И бунси знают об этом.

Морган выпалил это с таким пылом, что даже Когто стал прислушиваться к его речи. Заметив это, Джон смутился и всем своим видом постарался показать, что больше прерывать Великого старца он не будет. После небольшой паузы Когто продолжил свой рассказ:

– Услышав эти слова упал вождь в ноги посланников и спросил, как тогда могут им служить бунси. На это Голос ответил, что, хоть принёсшая их сюда птица погибла, но её смерть пережило яйцо птицы, из которого может проклюнуться птенец и которого потом можно вырастить в новую птицу. Для того чтобы посланники смогли бы правильно заботиться о яйце, необходимо перенести его в земли бунси. Вождь тут же пообещал, что для каждого из его воинов будет честью отправиться в поход за яйцом, и что сам вождь возглавит его.

На этот раз ценой невероятных усилий Джону всё же удалось сдержать себя и вслух не выразить своих догадок, что яйцом явно был небольшой челнок либо спасательная капсула, которую пришельцы хотели переоборудовать для дальнего полёта. Но, посмотрев на лица товарищей, он понял вряд, ли бы он получил приз самому догадливому, и они сами подозревают нечто подобное, а вот тумак за то, что постоянно прерывает Когто и проверяет границы его терпения, он бы получил неизбежно. Всё это заставило его сконцентрироваться на ведении записей.

Тем временем Когто прошаркал к следующей картине и продолжил свой рассказ о посланниках солнца.

– Ни один бунси, способный держать копье, не отказал вождю, когда он сказал, что настало время вернуть долг крови детям солнца. Ни один бунси не убоился опасностей, о которых предупредили их, ибо воистину нет смелее народа чем бунси, и сам страх бежит от них, когда выступают они в поход. Посланники солнца отобрали себе тридцать самых сильных воинов, и старший сын вождя Бекро, прозванный потом огненесущим, возглавил их отряд. На следующий же день они выступили к месту падения небесной птицы. Во время их путешествия посланники открыли Бекро тайну своего имени, их народ называл себя Аتكх'ра. После долгого

спокойного путешествия воины достигли места, где упала и стала пеплом Великая небесная птица.

Когто медленно прошаркал к следующему изображению. Было вполне очевидно, что древний художник пытался изобразить безжизненный пейзаж. Пока старец неторопливо продвигался к своей цели, Джон успел сделать пометку в своих записях: «Воздействие радиации?». Клеменсо, заглянувший через плечо друга, кивнул и постарался всем своим видом показать, что он согласен с этой догадкой. По крайней мере Джон решил, что ему такая трактовка поведения Родриго наиболее приятна.

– Увидев, что стало с местом упокоения Небесной птицы, бунси пришли в трепет. Сама земля оплакивала великую потерю. Ничто не могло расти на тысячи шагов вокруг могилы. Горе было видно даже на странных лицах Аتكх'ра. Они взялись за руки и пошли к месту упокоения их питомца. Бунси поняли, что посланникам надо дать помолиться богам и отдать последний долг Небесной птице, поэтому они почтительно ждали, когда обряд будет закончен. Вскоре Голос Аتكх'ра позвал их. Подойдя к посланникам, бунси увидели, что в земле блеснит нечто. Это было яйцо Небесной птицы. С великим почтением бунси откопали его и положили перед своими покровителями. Опять же посланники вознесли молитву богам, прося их чтобы птенец оказался жив. После этого Аتكх'ра потребовали, чтобы яйцо как можно быстрее было бы доставлено в деревню бунси. Несмотря на вес яйца Небесной птицы днём и ночью воины несли яйцо. Не все вернулись в свои хижины, но Аتكх'ра заверили, что души павших уже нашли пристанище в их мире. Наконец яйцо было доставлено в деревню. На долгие дни заперлись в доме вождя посланники солнца и строго запретили кому бы то ни было приближаться к ним, потому что во время рождения птенец может их убить. Все бунси приняли этот запрет, кроме самого младшего сына вождя. Глупая зависть из-за того, что он не был избран нести яйцо, гиеной грызла его. Одной ночью он решил пробраться в дом отца и подсмотреть за рождением Небесной птицы, чтобы потом быть единственным сыном нашей земли, увидевшим это чудо. На его беду в это время проклюнулся птенец. И был он голоден как все львы мира, но Великие Аتكх'ра знали слова, которые должны были усыпить его голод. Но глупому сыну вождя эти слова не были ведомы, и рождающийся птенец утолил свою жажду, забрав всю кровь глупца. В конце концов птенец родился, и был он прекрасен, как бегство врага, и был он так велик, что самый большой слон должен был взобраться на другого слона, чтоб сравняться с птенцом.

Свои слова Когто сопровождал ударами посоха по другой картинке. Ни Джон, ни Родриго не были впечатлены изображением птенца Небесной птицы. Более всего он напоминал четырёхногого страуса, который просунул свою голову себе же между ног. Более бурной реакции они ожидали от Пьера, чьё чувство прекрасного должно было быть растоптано таким глупым изображением должно быть прекрасного космического корабля. Но к удивлению друзей, возможно впервые в жизни, Лапурель без понуканий и по собственной воле принялся за работу. Пока Когто вёл свой рассказ, Пьер старательно перерисовывал в свой блокнот изображения со стен священной пещеры. После Родриго и Джон признали, что это зрелище заставило их усомниться в реальности происходящего. Тем временем Когто продолжал свой исторический тур по пещере.

– Возрадовались бунси рождению птенца и провозгласил вождь пир в честь этого великого дня. Во время пира Когто спросил посланников солнца: «Вернёт ли птенец Небесной птицы домой Аتكх'ра?». Печален был ответ Голоса посланников. Птенец был слаб, он мог взлететь в небо, но он не смог бы донести посланников до их дома. Рождённая Небесная птица была слаба и должна была окрепнуть прежде, чем начать свой полёт к своей родной звезде. Печаль разлилась в душах бунси. Аتكх'ра многим помогли им, но казалось, что боги не благоволят к их возвращению в родную деревню. И встал могучий вождь, и сказал, что пока есть у бунси стрелы, пока у воинов бунси будут силы бежать за добычей, пока дети бунси могут ловить рыбу, а женщины собирать дань лесов, пока бьётся хоть одно сердце, наполненное кровью бунси,

пока есть на земле пища, которую можно добыть и преподнести в дар птенцу Небесной птицы, не будет покоя людям бури. И поклялся вождь, что он увидит ещё, как окрепший птенец унесёт посланников солнца к великому солнцу. Могучим рёвом поддержали слова своего вождя все до единого бунси и повторили вслед за вождём клятву помощи людям Аتكх'ра. Но не развеялась печаль сошедших с небес. Голос посланников сказал, что их благодарность бунси безгранична, и что бунси ещё раз доказали правильность их решения помочь великому народу, но нет на всей земле антилопы, которая утолила бы голод птенца, нет в земле корня, а на дереве плода, который придал бы сил ему. Другая пища нужна птенцу, и нет её в землях бунси. Аتكх'ра могут только молить богов и надеяться, что в других землях найдётся то, что утолит голод птенца. И сказал голос посланников, что, если искренне предлагал вождь бунси помощь своего народа, то пусть отберёт он семерых бунси, которые будут сопровождать Аتكх'ра в их путешествиях. Но сразу же голос предупредил бунси, что далек будет их путь и много опасностей будет поджидать путников. Им доведётся переступить через горизонт и увидеть земли, где не было ещё никого, и будут они первыми, ступившими на них, много лишений придётся им пережить, и не все вернутся в свою деревню, так что пусть только те, кто осознают опасность их пути встают плечом к плечу с ними. Но нет места страху в душах бунси, только смех рождается в отважных войнах, когда узнают они об опасности, поэтому вновь все воины бунси подняли свои копья и начали кричать свои имена, призывая вождя, одарить их честью сопровождать посланников солнца. Из всех отобрал вождь семерых достойнейших. Был среди них старший сын вождя, который за время, проведённое с Аتكх'ра, проникся любовью к ним и завоевал их уважение. Также Когто пополнил отряд путешественников, потому что как бы велика ни была отвага воинов бунси, также этой силе нужна и мудрость, чтобы направлять её. Ещё пять самых отважных воинов присоединились к отряду путешественников. И отправились они в великое странствие, и пережили множество приключений, о которых до сих пор матери рассказывают своим детям.

Когто тяжело вздохнул и умолк, оглядывая ещё множество картин, о которых он не рассказал. В этот момент казалось, что действительно Когто из услышанной истории и стоящий перед ними старец один и тот же человек. Но Пьер, обогнав рассказчика, продолжал перерисовывать картины со стен пещеры. Родриго был погружён в свои мысли и можно было предположить, что он уже оценивает, какую пользу принесут ему обнаруженные знания и как высоко над остальным миром вознесут его. Джон же просто радовался возможности перевести дух и дать отдохнуть своей руке. И только Жером всё также улыбался своей глупой улыбкой, как будто не понимая значения творившейся вокруг него истории.

После долгой паузы Когто развернулся и, медленно продолжив свой рассказ, направился через пещеру к противоположной стене. Вновь два голоса раздалось в пещере.

— Много я могу рассказать о тех путешествиях, что ваши скудные умы не смогут принять и от чего, как пугливые улитки, будут прятаться в раковине вашей глупости. Бунси видели белые земли, где жили живые белые горы, жаждущие человеческой крови, а глупец, вышедший из чрева Небесной птицы без благословения Аتكх'ра, был обречён на страшную смерть. Это место называли посланники вершиной мира, откуда видно их солнце. Посетили они желтые земли, которых боялась даже вода. Птенец переносил их через великую воду в земли странных животных, каждый из которых стремился убить их. Бесчисленные другие земли увидели глаза Когто. Везде Аتكх'ра искали в земле пищу для Небесной птицы и везде склонялись люди перед величием посланников солнца, прилетевших на упавшей Небесной птице и силой воинов бунси. В конце концов посетили Аtekх'ра землю, которая стремится достичь неба, где нашли они пищу для птенца. Был накормлен там птенец, и издал он громогласный рёв, возглашая, что уже может он вернуться к родному солнцу. После этого Аtekх'ра с оставшимися бунси вернулись в эти земли. Много слов благодарности сказал вождю бунси и Когто голос посланников, но также была у него и последняя просьба к бунси. После того, как птенец с посланниками отправится домой, всё, что останется после него будет проклято. Не желая нанести вред бунси

Аткх'ра наказали отнести как можно в более далёкие края и там похоронить оставшуюся плоть птенца и его яйца. Получив обещание вождя исполнить это указание, Аتكх'ра оседлали Небесную птицу и, пообещав вернуться, когда их солнце снова встанет над вершиной нашей земли, поднялись в небо. Печаль поселилась в сердцах бунси из-за того, что покинули их посланники солнца, но также поселилась там и до сих пор живёт счастье от того, что ещё вернутся великие Аتكх'ра в земли бунси.

Так осталось бунси исполнить последний завет посланников и похоронить скорлупу яйца Небесной птицы и то, что оставили Аتكх'ра от самого птенца. Вновь вождю бунси пришлось собирать отряд воинов, и вновь старший сын его вызвался вести людей в их пути. И сказал он, что нет более достойного этой чести чем он, тот, который всегда сопровождал посланников солнца в их странствиях, и что поразит он своим копьём всякого, кто возжелает отнять у него честь последнего странствия во славу Аتكх'ра. Так велика была его гордыня и никто, даже отец его, не посмел перечить ему. Так отобрал он дюжину воинов. Взвалили на себя свою ношу и отправились в своё последнее путешествие, так как слишком велика стала гордыня сыны вождя, и перестал он слушать голос мудрости.

Тщеславный сын вождя решил, что оставшееся от птенца Небесной птицы должно быть захоронено в земле, которая также, как и та земля, где была найдена пища для птенца, стремилась бы к небу. Хоть никто и не знал, как найти такую землю, но гордый сын вождя поклялся найти её. После того, как была принесена эта клятва, отряд бунси отправился в своё последнее странствие.

Сын вождя с двадцатью сильнейшими воинами отправился в путь. Они шли сквозь непроходимые леса, переправлялись через необузданные реки. Много диких животных пришлось им убить, сам сын вождя уничтожил семью льва. Воистину были могучи воины бунси, и весь мир пал бы к их ногам, но их гордыня вела их к гибели. Хотя они унесли то, что осталось от птенца достаточно далеко от земли бунси, но сын вождя всё ещё был не доволен. Он не мог отступить от своей клятвы и продолжал искать землю, которая стремится к небу. Тут начало действовать проклятие, о котором предупреждали посланники солнца. Силы стали покидать их. Те, кто раньше мог весь день гнаться за антилопой, загнать её и всю ночь со своими собратьями танцевать у костра танец смерти, еле передвигали ноги и вечером видели пепелища кострищ, разведённых прошлой ночью. В конце концов наступали дни, когда отряд не мог сдвинуться с места и даже обидные слова сына вождя не могли заставить воинов подняться и продолжить путь. Он бранился на них и называл мягкими женщинами, которые даже вошь не смогли бы выносить, но и эти обидные слова не приносили результата. В конце концов настал день, когда один из воинов не очнулся ото сна.

Сын вождя понял, что настало время трудных решений. Взяв с собой пятерых наименее обессиленных бунси, он направился на охоту, только не дикого зверя хотел он заманить в западню. Целью его были люди, жившие в тех краях. Ночью они нашли одинокую хижину на окраине леса и тут же, подобно змеям, пробрались в неё. Всех мужчин, женщин и детей они связали. Сын вождя каждому из них задавал только один и тот же вопрос: «Где им искать землю, стремящуюся к небу?» Никто из них не отвечал ему. Но хитрый сын вождя придумал способ добиться нужного ему ответа. Он угрозами и обещаниями проявить милость заставил рассказать ему о том, что к югу от этих мест есть священная белая земля, в которой по легендам живёт дымный демон. Чтобы демон не мог своим дымом навредить живущим рядом племенам, боги подняли дом демона над землёй. Это, наверное, и есть искомая ими земля. Но также пленники бунси умоляли их не идти к этой земле, так как поход бунси может разозлить демона, и будет кара его ужасна. Только рассмеялся сын вождя в ответ на эти слова и, потрясая своим копьём, сказал, что тот, кто путешествовал с Аتكх'ра, видел достаточно чудес, и какой-то зловонный дух его не испугает. После этого бунси собрали вещи и, перебив хозяев хижины, вернулись к своим товарищам. Зная, куда им надо держать путь, воины бунси, собрав

последние силы, отправились в путь. Несмотря на боль. Несмотря на то, что кровь лилась из них. Несмотря на то, что кожа их стала цвета пепла. Несмотря на то, что падали замертво их товарищи. Не было у них сил таиться, открыто они шли тропами и убивали всё, что встречалось им, даже глядя в глаза смерти, бунси оставались великими воинами. Племена, по землям которых шли бунси, презирали этот караван и плевали им в след, но на большее у этих гиен духа не хватало.

В конце концов сын вождя с семерыми спутниками достиг земли пыльного демона. Нашёлся он на белой земле, которую уже видел в своих странствиях сын вождя. Много сил отнял у бунси подъём к нему, но добрались они до своей цели и кинули скорлупу яйца в пещеру демона, а вслед ей отправили и всё остальное, что осталось от птенца Небесной птицы. Радостно воздел руки к небу сын вождя и прокричал: «Нет никого более великого чем я. Только я сдержал все клятвы посланникам солнца». С этими словами рухнул он замертво. Так велика была его глупость, что смогла уничтожить могучий дух бунси.

Оставшиеся воины отправились в путь домой, но проклятье продолжало собирать свой урожай, и только один воин добрался до родной деревни. Судьба вернула его домой, где он успел рассказать историю их путешествия и вскоре проклятье настигло и его. Так глупость и гордыня показали, что у всего, даже у силы воинов бунси, есть свои границы.

Когто замолчал и усталым взглядом смотрел на последнюю картину в пещере. На ней были изображены люди, несущие прочь от своих домов, завернутое в шкуры тело. Каждый из друзей догадался, что бунси решили не рисковать и тело вернувшегося воина захоронили как можно дальше от деревни. Неожиданно Когто затянул какой-то мотив и начал медленно раскачиваться. Джонни снова взял наизготовку ручку, чтобы продолжить записывать слова старца, но вместо этого воин бунси встал перед путешественниками.

– Когто одарил вас своей мудростью, а теперь идите прочь и не тревожьте мудрейшего из живущих.

С этими словами воины бунси вытолкали Родриго с Джоном из священной пещеры. Жером и, что удивительно, Пьер проявили более высокий уровень прогнозирования действий дикарей и успели выскользнуть из пещеры до того, как получили болезненный тычок копьём.

Несмотря на столь бесцеремонное отношение, на обратном пути к своей хижине вся троица пребывала в приподнятом настроении. Даже Родриго улыбался так широко, что отчасти стал похож на Жерома, и не обращал внимания на отсутствие манер у их эскорта. Им всем не терпелось вернуться в их пристанище и обсудить всё увиденное и услышанное за этот долгий день.

Как только Жером закрыл дверь их временного пристанища, все три друга одновременно начали делиться всеми эмоциями, которые у них скопились за время пребывания в священной пещере.

– Летательный аппарат, предки этих бунси путешествовали на чёртовом летательном аппарате пришельцев. Черт побери, они бы могли там получить столько информации! Будь их ум хоть чуть-чуть больше устрицы, осознавай, какое богатство находится в их руках ...

– Неандертальцы, похоже, что часть этого вида наших дальних родственников прожила немного дольше, чем считается официальной наукой ...

– Ну почему, почему бунси такие бездарные художники. Посланники солнца в их изобразительной интерпретации похожи на каких-то гибридов лягушек и хорьков...

– ... к тому же кроме поразительного физического путешествия, какое невероятное духовное перерождение случилось с ними. Ведь считается, что неандертальцы были более миролюбивыми, чем кроманьонцы, а значит ...

– ... позволяет предположить, что всё-таки источник энергии корабля не был основан на использовании радиоактивных материалов. Их смерти я бы связал с космической радиацией, которой подвергся ...

– ... и они выбросили мой фотоаппарат, мой прекрасный цифровой фотоаппарат, мой прекрасный цифровой фотоаппарат, который я теперь не смогу вернуть моему кузену Жан-Полю.

Последнее замечание Пьера сбило Родриго и Джона с гребня волны их эмоций, и они молча усталились на своего товарища, а затем разразились громким радостным смехом. Через мгновение к ним присоединился и сам Пьер. Только эмоции Жерома оставались неизменными, и он с улыбкой переводил свой взгляд с одного смеющегося на другого.

После того как к одному за другим к ним стало возвращаться более спокойное состояние духа, Родриго ещё раз посмотрел на Джона и Пьера.

– Похоже нам предстоит ещё многим поделиться друг с другом, а потом и со всем миром, даже если он не захочет слушать нас. Но всё-таки нам надо научиться более чётко и связанно делиться приобретённой информацией. В нашем нынешнем состоянии нам для завершения образа не хватало только картинок в руках, на которых было бы написано «Конец близок – покаяйтесь» и «Йети съел мою собаку». Всё-таки нам предстоит преодолевать упрямство скептиков. Так что советую вам на обратном пути посвятить как можно больше времени созданию чётких и последовательных докладов.

– Ну значит я буду главной звездой в нашей рок-группе, так как я обладаю большей информацией, чем вы.

– Ты успел перерисовать ещё картин, о которых нам не рассказал Когто?

– Ещё картин, Родриго? Да я перерисовал самую интересную часть приключений пришельцев. У меня определённо травмировано запястье и всё ради благой цели. А эта старая задница похоже только и хотела рассказывать только о тех моментах, где фигурирует его предшественник.

– Ну это как раз неудивительно. Вполне очевидно, что отчасти Когто переделали предания, чтобы укрепить свою власть среди бунси. Они явно используют авторитет Атких'ра, чтобы удерживаться на вершине власти. Наличие превосходящих знаний это одно из главных условий стабильного положения рациональной власти.

– Родриго, мы всё поняли, Когто держит бунси за яйца их разума. Может позволим Пьеру рассказать, что он увидел на стенах пещеры?

Родриго явно не был доволен тем, что Джон посмел прервать его лекцию, но сдержался и кивнул Пьеру.

– Приношу прощение. Пьер, будь добр, продолжай.

– Отряд этих засранцев бунси, похоже, побывал чуть ли не во всех уголках нашего мира. Очевидно, что они побывали в местах вечной мерзлоты (белая земля) и пустынях (жёлтые земли). Также из того, что рассказала старая задница, очевидно, что их предки посетили Австралию и какой-то горный хребет. Так вот кроме Арктики они побывали и в Антарктиде. Ну или в другом холодном месте, где жили существа удивительно похожие на пингвинов. Пустыня тоже была не одна. Я насчитал не меньше пяти и на одной было изображено, как пришельцы в каком-то шатре общались с местными жителями. Я рискну утверждать, что это подтверждает нашу теорию о происхождении названия звезды Веги. Если пришельцев всюду представляли, как прибывших на упавшей птице, то очевидно, что в сознании наших предков место, откуда прибыли их гости, и способ их прибытия слились воедино. К тому же понятно, почему и древние египтяне, и индусы созвездие Лиры, которому принадлежит Вега, ассоциировали с птицами. Но, простите, я отвлёкся. Горы тоже были далеко не одни, я насчитал с десяток и потом бросил их перерисовывать, так как бунси не заморачивались тем, чтобы передавать уникальные их особенности. Так что, где удалось им найти «корм для птенца», сказать

сложно. Может, это Гималаи и это объясняет почему двинутые мистики так ими увлекаются, а может это что-нибудь более интересное.

– Эм, «двинутые мистики» не совсем то слово, которое мы сможем употреблять, когда вернёмся в цивилизованный мир, так что постарайся отцензурировать свою речь.

– Замечаний о политкорректности я ожидал от Джонни, но хорошо, постараюсь обойтись без лишних эмоций. В общем, там у них изображено ещё много интересных мест и о них мы ещё поговорим, но сейчас я хотел бы показать одну очень занятную картинку.

Пьер начал рыться в ворохе своих бумаг.

– На одной картинке изображена интересная сценка. Похоже, что не все из путешествия с посланниками солнца вернувшиеся бунси погибли. Подозреваю, что тебя, Джонни, это обрадует, всё-таки это твой родной континент.

Джон внутренне сжался и начал про себя повторять одно слово: «Навахо, Навахо». Наконец, Лапурель нашёл нужный рисунок и протянул его друзьям. В первый момент Морган почувствовал укол разочарования. Изображение не было никак не связано с рисунками пустыни Навахо. Но спустя это мгновение, Джон осознал, что изображённое на листке бумаги является даже более феноменальным. Родриго Клеменсо в свою очередь, глядя на рисунок, начал вслух перечислять изображённое на нём, как будто только так он мог убедиться, что это не плод его воображения.

– Судя по всему, в верхней части картины шаттл «Птенец небесной птицы» на нём пришельцы и воины бунси. Внизу на земле ещё два воина бунси. Они протягивают руки к небу, а у их ног стоит нечто пирамидальной формы. На заднем плане изображены стоящие на коленях люди, украшенные птичьими перьями.

Джон проглотил комок в горле.

– Пьер, ты думаешь, что это как-то связано с цивилизацией ольмеков?

– Нет, Джонни, я думаю, что это как-то связано с распродажами в Чёрную пятницу. Конечно, это явный намёк на ольмеков. Сам смотри. Найденные скульптурные головы имеют явные черты негроидной расы, а значит они как-то связаны с рождённым на Чёрном континенте – это раз. Считается, что традицию строить пирамиды майя переняли именно у ольмеков – это два. Все мы помним изображение индейского «астронавта» – это три.

Родриго перебирал зарисовки Пьера и задумчиво дёргал себя за губу.

– Что ж, похоже кроличья нора оказывается глубже, чем казалось на первый взгляд. Возможно, после возвращения в Европу нам предстоит дополнительная работа, и наши открытия придётся временно хранить в секрете. У меня также есть некоторые идеи о том, где было захоронено то, что осталось от ремонтных работ космического корабля.

– Ты намекаешь на Килиманджаро?

– Не только, Джон. В Африке есть одно место, с которым связаны некоторые странности физического характера. Но мне нужно уточнить некоторые детали, когда мы вернёмся. Возможно, нам предстоит осуществить ещё одну познавательную прогулку по африканской земле.

– Ещё одну «познавательную прогулку»? Ты серьёзно, Клеменсо? Нас чуть не убили эти чокнутые бунси. Кому ещё ты хочешь предоставить возможность трагически завершить наше бременное существование?

Последние слова вызвали оживлённую реакцию у Жерома, который до этого не проявлял подобающего историческому моменту великого открытия внимания.

– Месяе Пьер прав. Неизвестно, сколько ещё продержится ваша подаренная лампа. Не примите мои слова за дерзость, но я бы хотел оказаться как можно дальше от земель бунси, когда кончится её заряд. Так что советую юным господам отправляться спать и утром, как можно раньше, выступать в обратный путь.

Во второй раз за вечер на лице Родриго проскочила гримаса неприязни, и во второй раз после неё не последовала жёсткой отповеди о манерах.

– Жером прав, нам придётся сильно спешить в ближайшие пару дней, так что нам нужно воспользоваться по полной имеющейся возможностью отдохнуть. Предлагаю отправиться к нашим ломам.

– С вашего позволения я займусь подготовкой нашего отбытия. Мы же не хотим оскорбить чувства бунси? По крайней мере не так быстро.

С этими словами Жером выскользнул из их хижины. Оставшаяся компания занялась подготовкой ко сну, но было очевидно, что заснуть сразу им не удастся. Родриго бормотал что-то о значении знаний и их правильном использовании. Пьер снова вспомнил свою «песню» дня и начал тихо стенать о том, что его рука ноет из-за усердного труда по перерисовке дикарских картинок. Джон в свою очередь вслух не проявлял своих эмоций, но внутри него тоже бурлили страсти. Когда он лёг на свою кровать, то мысли его скакали, порождая воспоминания о том, как он начал этот путь и что его привело в сердце Африки⁴. Он вспомнил Габриэлу, которую казалось любил и ради которой он посещал все эти пафосные и, на его взгляд, дурацкие тусовки спиритуалистов, охотников на призраков и прочих одарённых силой⁵ индивидуумов. Видно, Гэбби чувствовала настроения Джона и поэтому решила бросить его. Она только сказала, что неверие Джона отрицательно сказывается на её ментально-психическом поле. На том же конвенте, посвящённом палеоконтактам, Джон в последний раз напился и также познакомился со своими нынешними спутниками. Его радовало только одно, что это произошло не одновременно.

Эти мысли не давали ему уснуть, и он решил выскользнуть из хижины и подышать свежим воздухом. Выходя, Джон заметил, что Родриго и Пьер тоже никак не перейдут во власть сна. Глядя на деревню бунси, Джон вспоминал, как вначале им двигало желание доказать Гэбби, с какими идиотами она связалась. Он надеялся, что с помощью своих нынешних компаньонов покажет несостоятельность всех, ну или хотя бы части, астральных теорий. Позже, когда у него появились сомнения в обоснованности своего скептицизма, он надеялся, что ему удастся принять участие в великом открытии, разгадать тайну Стоунхенджа или найти Атлантиду, и что это вернёт её любовь. Но теперь он стоял и с глупой и счастливой улыбкой смотрел на звёздное небо, потому что знал – этот путь он проделал на самом деле только ради себя и ради своей жажды знаний. Почему-то он вспомнил тот мотив, который напевал Когто, когда они покидали его. Мелодия показалась Джону соответствующей моменту, и он начал его насвистывать. И казалось, что эта простая мелодия является олицетворением достижения успеха, конечной точкой восхождения к вершине.

С последней мыслью к Джону пришло осознание того, что он знает эту мелодию и знал её ещё до того, как его нога вступила на африканский континент. И, что хуже всего, никакой мудрец дикого изолированного африканского племени не мог знать эту мелодию. Вечер перестал быть таким радостным и огни костров деревни бунси всё больше наводили на неприятные мысли.

– Вот чёрт...

⁴ Хотя, если судить по месту их географического положения, это скорее была печень Африки. А возможно даже её желчный пузырь.

⁵ Джон всегда считал, что их сила задирает нос и напыщенно говорить о тонких материях астрала безграничны.

Глава 2

– Слушай, Джонни, при других обстоятельствах я бы с радостью послушал твои песенные потуги и, возможно, только возможно, у всякой добродетели на свете есть свои границы, даже попытался бы похвалить тебя, но сегодня мои запасы человеколюбия истощены, и я хочу только спать.

Тот факт, что Джон отвлёк своих друзей от столь прекрасного времяпрепровождения как сон, не добавил убедительности его открытию. Даже более сдержанный Клеменсо явно не был в восторге от поведения Моргана.

– Действительно, Джон, все присутствующие здесь люди разумные, и мы понимаем, что рассказ Когто нам ещё предстоит оценить критически. Но я практически уверен, что для этого у нас будет достаточно времени, и условия при этом будут более цивилизованные.

– Ха, да даже сортир для работников на виноградниках моего деда и то может претендовать на большие права символизировать человеческую цивилизацию. В общем, друг мой, это приключение максимально опустошило меня, но, если это подарит мне несколько часов сна, то я торжественно клянусь, что на борту корабля, который заберёт нас из этой печки, по какой-то странной причине именуемой землёй, я буду горланить любые песни, и только угроза вернуть меня на сей континент сможет заткнуть меня.

Джон ожидал, что он столкнётся с определёнными сложностями, когда будет знакомить своих спутников с его догадкой, но их реакция неприятно удивила его. Но и сдаваться он не собирался, и, если ему не удалось убедить их нахрапом, то придётся убеждать их поодиночке. Первой целью он решил выбрать более рассудительного Родриго.

– Послушайте, да, мы будем проверять полученные сегодня данные, но, что будет если мы наткнёмся на расхождения или противоречия? Нам придётся возвращаться сюда, всё перепроверять.

– Ну так в чём проблема? Я сомневаюсь, что бунси в ближайшее время отважатся на переезд. Да даже если и так, то я думаю, что захватить пещеру с собой они вряд ли удосужатся, – Пьер активно что-то искал среди их вещей, но всё равно внимательно ловил каждое произнесённое в хижине слово.

– Пьер, пожалуйста, сообщи нам, когда проснутся твои мозги. Через 30-35 часов погаснет наша подаренная Когто лампа, и вряд ли мы сможем рассчитывать на повторный тёплый приём. Скорее всего нас сразу же проткнут копыя, как только мы ступим на их землю.

Пьер обнаружил объект своих поисков, флягу с водой, и, сделав пару глотков, примирительно поднял руки.

– Ладно, ладно. Не нервничай так, Джонни. Ох уж эта твоя техасская вспыльчивость. Конечно, я не хочу закончить свой прекрасный жизненный путь наштипованный копыями наших радушных хозяев, но пока ты только, отчаянно фальшивя, напел нам один мотивчик.

– Это не просто какой-то мотивчик. Когто вполне чётко и полно исполнял «Севен нейшен арми» от Уайт страйз. Откуда в этой глуши он может знать эту песню? Мы проверяли, проводились ли экспедиции в этом районе за последние тридцать лет, и последней была исследовательская экспедиция бельгийцев в 89 году, когда они искали золото в этих местах. Вспомни, Родриго, скольких трудов нам стоило найти проводника? Практически никто кроме Жерома не знал этих троп, а он утверждал, что сам бывал в этих местах последний раз пятнадцать лет назад, когда бежал от своих кредиторов.

– Так ты предполагаешь, что старик нас обманывал, и его истории нельзя верить? Но в чём его интерес? Не проще ли было нас убить? Зачем рассказывать историю о пришельцах?

– Предполагаю, что, если бы мы не ползали перед ним на животах, то этим бы всё и закончилось бы. Но наше поведение показало бунси пример поклонения ему и карать за это

было бы глупо. А так он сможет говорить своим воинам, что все склоняются перед ним и бунси тоже должны почитать его. Чем не повод одарить нас своими сказками за это? Но теперь представьте, что я прав, и Когто рассказал выдуманные им или его предшественником байки. И теперь мы эти байки представим всему свету как наше историческое открытие. Как глубоко утонет наша репутация в таком случае?

Последние слова Джон произнёс, адресуя их конкретно Родриго. Потеря репутации для испанского аристократа была бы самой болезненной из всей компании. Морган надеялся, что страх публично опозориться заставит принять его сторону. Но к его удивлению первым отреагировал Лапурель.

– Да, даже кровати в сортире будут смеяться над нами, так низко мы падём.

– Конечно, Пьер, наше положение станет незавидным, но, эм, сначала... Слушай, почему ты так заиклился на туалетах? Это, что, болезненная тема для тебя?

– О, даже не начинай. Я часы считаю, когда я, наконец, смогу воспользоваться этим прекраснейшим изобретением светлого гения человечества. И, я даже на стыжусь этого, расплачусь при его посещении и, возможно, напишу прекрасный сонет, посвящённый туалетной бумаге.

– Так ты, что, так и не воспользовался отхожим местом бунси ни разу?

– Я пытался. Вы знаете, что во время похода меня спасал мой биотуалет, но чёртовы бунси выкинули его. Нет, я пытался посетить, как ты его назвал Родриго, отхожее место бунси. Но мне оно показалось настолько мерзким, что даже дерьмо, казалось, пытается сбежать оттуда. Так что я почти уверен, что, предоставь я такую возможность, дерьмо из выгребной ямы предпочло бы сменить своё место пребывания на мою задницу.

Клеменсо с Морганом не знали, как реагировать на такую жертву друга и поэтому только молча переглядывались друг с другом. Тишину рискнул нарушить Родриго.

– Э, так, э, нам очень жаль, Пьер, но попробуем вернуться к нашим общим проблемам.

– Ну, существует вероятность, что моя проблема станет нашей общей, но ладно, продолжай.

– Спасибо. Подведём промежуточный итог. Вероятно, племя бунси не является таким уж изолированным от внешнего мира, как нам казалось. Но согласись, Джон, одной песни для отрицания всего, что мы сегодня узнали всё-таки недостаточно. Может, ты ещё на что-нибудь обратил внимание?

Джон только пожал плечами, но, к его удивлению, заговорил Пьер.

– Если вспоминать о странностях, то я тоже столкнулся с одной. Когда вы с трепетом слушали байки старой задницы, а я в поте лица работал карандашом, то я довольно близко подобрался к ещё одному выходу из пещеры. Предположу, что он ведёт к апартаментам его задничества. Так вот, там я уловил лёгкий аромат кьянти 2010 или 2011 годов.

– Прости, но какого хрена ты молчал об этом? – Джон явно боролся с противоречивыми чувствами.

– Я не был уверен, что это не галлюцинации, вызванные мыслями о том, что на следующее утро мы сможем покинуть эту проклятую последними чертами сковороду, – Лапурель не демонстрировал ни грамма раскаяния. – Если бы я об этом сказал вам, то даже последний пьяница в Марселе уверенно поставил бы свою бутылку с портвейном на то, что меня сразу же запишут в славный отряд пропойц. Джонни, ты к тому же сам почувствовал, что значит скепсис товарищей, и не можешь на меня злиться.

– Не могу злиться? – лицо Моргана постепенно приобретало кровавый оттенок. – Чёрт тебя подери, лягушатник изнеженный, я тут почти час, как обезьяна, скакал перед вами, доказывая свою правоту, а ты только нос воротил от моих доводов. Да я не злиться на тебя имею право, я могу тебя засунуть в ближайшее болото вниз головой, и даже местные обезьяны спустятся с деревьев, чтобы поплодировать мне.

Джон уже активно размахивал руками, и было вопросом времени, когда он начнёт действовать более целенаправленно, и было очевидно, что Пьер своей невозмутимостью только чётче обрисовывал мишень на своей груди. С другой стороны, крики и оскорбления, адресованные ему, были привычным фоном для него. Далеко не один партнёр его дедушки столь же бурно выражал своё возмущение тем фактом, что купленное им у Пьера благородное вино оказывалось в лучшем случае благородным уксусом⁶.

– Джонни, во-первых, это так некрасиво называть наших радушных хозяев приматами, пусть даже они и не смогли обеспечить нам хотя бы минимальный комфорт. А, во-вторых, именно такая неадекватная реакция и является основной причиной неприятия миром некоторых догм, постулируемых твоими соотечественниками.

– Всё, вдохни поглубже, теперь ты мне расскажешь, сколько всяких гадов живут в местном болоте и ...

Неизвестно, чем бы закончилась эта перебранка. Возможно, Морган воплотил бы в жизнь свои угрозы, но голосом разума решил выступить Родриго, до этого погрузившийся в свои мысли и только теперь, казалось бы, принявший какое-то важное решение.

– Я считаю, что, если вы хотите выяснить свои отношения, то для этого вполне можно выбрать и более подходящую обстановку. А в данный момент вы позволяете себе отвлекаться на второстепенные вопросы. Важнейшей же задачей для нас теперь является решить, что мы должны теперь предпринять.

Спокойный тон Клеменсо практически мгновенно остудил накал страстей. Джон перестал сжимать свои кулаки, а Пьер – занимать более выгодную для старта через дверь позицию.

– Пока вы предавались своему соревнованию в остроумии, я пытался осмыслить некоторые факты, которые мы узнали сегодня. Джон, будь любезен, подай мне свои записи рассказов Когто.

Джон окончательно разжал свои кулаки и, подойдя к своей кровати, достал из сумки свои записи. Родриго, пролистав большую их часть, углубился в изучение последних нескольких страниц. Морган вопросительно посмотрел на Лапуреля, надеясь, что он лучше понимает, что пытается найти их спутник. Но Пьер только пожал плечами, показывая, что поведение испанца столь же загадочно и для него. Затем Родриго принялся за прослушивание аудиозаписи рассказа местного мудреца.

– Ага, вот. Мне тоже один момент не давал покоя. Я не был уверен, не показалось ли мне, и я думал после нашего возвращения более спокойно проанализировать ситуацию, но раз уж мы решили форсировать наше приключение, то я должен обратить ваше внимание на это.

После этих слов Родриго вновь пустил запись. На этот с максимальной громкостью. Но после прослушивания отобранного Клеменсо отрывка, два его друга опять только переглянулись. Признаться в их невнимательности решился Пьер.

– Всё прекрасно, только я не понимаю, что мы тут должны услышать? Старая задница бормочет, Жером переводит.

Родриго вновь отмотал запись:

– Вот, вслушайтесь в слова Когто.

На этот раз оба товарища услышали то, что насторожило Родриго.

– Мне не показалось, он действительно прошамкал слово «караван»?

– Вот ещё одна вещь, которая должна быть неизвестна для бунси, пусть и самого мудрого, как и современные песни, и вино.

⁶ В худшем случае это была коровья моча, немного разбавленная яблочным соком. К сожалению, это пари Пьер позорно проиграл. Но он даже в том факте, что разъярённый владелец магазина в Нормандии вместе со своими сыновьями почти семь километров гнался за ним, находил светлую сторону – теперь он знал, сколько максимально он может пробежать, прежде чем упасть и быть побитым недовольными представителями мелкого бизнеса.

– Господа⁷, похоже у нас нет другого выбора, кроме как вернуться в пещеру Когто, и на этот раз нам предстоит не быть пассивными слушателями баек старика, но и активно попытаться выяснить правдивую историю.

Вновь Пьер и Морган устали друг на друга. И хоть Родриго отгосподил их, но высказанная им идея не пришлась ни одному из них по душе. На этот раз Пьер выжидающе смотрел на Джона, намекая, что на этот раз настал его черед перечить гордому перенейцу.

– Это, конечно, интересная идея, Родриго, но, эм, может нам обсудить и прочие альтернативные варианты действий?

– Какие альтернативы, Джон? – Клеменсо говорил максимально сдержанно, как будто общаясь с ребёнком. – Как тебе кажется, что мы должны делать после того, как узнали о странностях старика бунси? Что мы должны были делать, по-твоему, после твоего открытия?

– Ну, я ... – начал Морган и замолчал. Действительно, а к чему должно было привести его наблюдение о вокальных предпочтениях Когто? В глубине души он признавался себе, что в тот момент им овладели мальчишеская обида и желание убежать из деревни бунси, хлопнув дверью. Но эта заминка никак не повлияла на Родриго. Он и не думал дожидаться ответа на свой вопрос.

– Безусловно, нам соврали или в лучшем случае не всё услышанное нами было правдой. Но это не означает, что мы должны перестать думать логически. Вместо одной загадки перед нами возникла другая. Нам надо выяснить, кем является Когто на самом деле, и каков источник происхождения рассказанной им истории. В конце концов, Джон, ты верно подметил, что чуть больше, чем через сутки наше возвращение в деревню бунси станет довольно проблематичным мероприятием.

– Ты считаешь, в его сказках есть хоть доля правды? – Пьер даже не пытался скрыть своего удивления.

– Не знаю, но пока я не готов исключать любую вероятность. Возможно, этот старик какую-то часть своей истории всё-таки не придумал сам. В противном случае, я хотел бы узнать, как ему удалось убедить бунси, что они должны слушаться каждого его слова.

Джон и Пьер достаточно хорошо знали своего товарища и поняли, что его гордость не позволит принять факт провала их экспедиции, и что он до последнего будет пытаться добиться хоть какого-то успеха.

– Ну, тогда, может,ознакомишь нас с твоим планом действий, как нам добиться повторной встречи со старой задницей? – Пьеру всё равно не удавалось настроить себя на позитивный лад. – Вряд ли его головорезы так просто пропустят нас к нему.

– Для начала нам необходимо найти Жерома. Без его участия у нас не так и много шансов.

С этими словами Родриго уверенно вышел через дверь их хижины. Джон с Пьером в свою очередь продолжали собираться с духом.

– Ну что, происходящее помогло тебе отвлечься от твоих переживаний об ужасном состоянии местной отхожей ямы и ностальгии о передовой сантехнике?

– Вообще-то, нет. Я всё ещё с сожалением вспоминаю о своём последнем посещении нормального туалета.

– Ты имеешь ввиду аэропорт в Киншасе? Ты же полчаса проклинал его за отвратительный запах и лежавшую на полу грязь. Возникло желание взять свои слова обратно?

– Ни в коем случае. Я надеюсь, мне представится ещё возможность повторить их все до последней запятой. И на этот раз я буду это делать с гордостью, с гордостью за тот путь развития, который мы прошли от листа пальмы до сортира в Киншасе.

⁷ Всякий раз, когда Клеменсо хотел подчеркнуть, что в данный момент он не считает возможным слышать любые возражения его точке зрения, он обращался к собеседникам «Господа». Возможно, он считал, таким образом подслащивает пилюлю необходимости подчиниться его воле.

Возможно, на Пьера и Джона повлиял факт того, что Когто не был тем, кем прикидывался и не исключено, что обманывал их, но несмотря на безоблачное ночное небо они плохо видели, куда им идти. Только костры деревни придавали уверенности в том, что им удастся преодолеть этот путь. С другой стороны, мысль о том, что где-то тут может находиться болото, снова воскрешала сомнения в разумности их действий. Эти сомнения только крепили из-за того, что хоть Родриго только минутой ранее покинул хижины, но нигде вокруг не было видно и следа его существования.

– Дьявол, если он на первом же шаге споткнулся и свернул себе шею, то со стороны это должно выглядеть забавно. Отчаянные авантюристы в противостоянии против племени дикарей гибнут из-за того, что невнимательно смотрели под ноги.

– Мне очень жаль, Лапурель, что вынужден лишиться тебя такой великолепной возможности посмеяться, и не погиб глупой смертью, – Родриго не скрывал, что шутка Пьера не произвела на него впечатления. Вслед за голосом Клеменсо появился и его хозяин, который в это время обходил хижину. – К сожалению, для тебя, я решил проверить, не приставлен ли кто следить за нами. Кроме того, я проверил, чтобы было открыто окно в нашем временном пристанище на тот случай, если нам не представится возможность цивилизованно вернуться через дверь.

Джон видел, что у Пьера на лице было предельно чётко написано сомнение в возможностях Родриго проверить наличие слежки за ними, особенно пусть и в лунную, но всё-таки ночь. Но француз на этот раз смог сдержать зарождение саркастичного комментария. Тем временем Родриго внимательно смотрел в сторону деревни бунси.

– Жером – хитрый пройдоха, поэтому он уже должен был найти друзей среди бунси. Так что искать его надо среди них, точнее среди их пьющей и увлекающейся азартными играми части. Значит нам надо попасть туда, и постараться привлечь как можно меньше внимания.

– Думаешь им не понравится, что мы шастаем вокруг?

– Нет, просто, если наши подозрения по поводу Когто верны, то он может отдать приказ пресечь любые наши попытки узнать что-нибудь кроме того, что он сам нам рассказал.

Тем временем Джон решил сменить своё созерцательное состояние и принять участие в дискуссии.

– Так как мы планируем добраться до деревни?

– Я так думаю, что, как и все нормальные люди собираются к своим целям – пойдём по дороге.

Джон попытался рассмотреть на лице Пьера признаки издёвки, но лицо последнего олицетворяло предельно возможный для него уровень серьёзности.

– Мне кажется, мы договорились, что нам лучше не встречаться с бунси во время нашей вылазки, и почему-то мне кажется, что наибольшая вероятность встретить их именно на тропе. Что скажешь, Родриго?

– Боюсь, что предложение Пьера вполне разумно.

– Разумно?!

– Да. Мы больше бы рисковали, если бы решили идти нехоженными путями. Кто знает, что или кого мы там можем встретить? Поэтому отправимся по тропе. Первым пойдёт Пьер. Он обладает лучшим обонянием среди нас. От наших глаз может быть не очень много проку, так что тебе придётся вести нас. Потом пойдёт Джон, в случае чего он должен будет успеть прийти тебе на помощь. Я же буду замыкать наш отряд и следить, чтобы нас кто-нибудь не нагнал.

– Да, я всегда мечтал побыть собакой у славных господ, – перспектива идти первым явно не радовала Пьера, что он и выражал своим бормотанием, но при этом не слишком громким, чтобы его услышал Клеменсо. – Просто невероятная по глупости мысль – вынюхивать путь.

– Прости, Пьер, ты что-то сказал?

– Просто хотел заметить, что местная вонь, как человеческого характера, так и естественного происхождения, столь сильна, что я вряд ли смог бы отличить хорошее вино от уксуса.

– Ну так постарайся следить за их пропорциями. – Даже это замечание вызвало неудовольствие Родриго. – К тому же твои глаза ничем не уступают нашим, и ими ты тоже можешь пользоваться. Хватит спорить об этом. Мы не можем здесь торчать до рассвета. Нам предстоит многое сделать, так что вперёд.

На этот раз Пьер решил оставить последнее слово за Родриго и со вздохом сделал первый шаг по тропе к деревне. Спустя пару секунд, за ним двинулся Джон, который впал в задумчивое состояние и сейчас действовал отчасти механически. Последним, бросив ещё один взгляд на их временное пристанище, на тропу ступил инициатор этого приключения.

В ушах у Пьера стучало так, будто он весь день пил молодое вино. Он отчаянно старался не упустить какой-нибудь важный знак, который поможет спасти жизнь. Но пока стоял всё тот же сырой болотный аромат с примесью местных джунглей и, когда ветер дул со стороны деревни, к ним присоединялся запах костров. Кроме этого, он слышал крики обезьян, вышедших на ночной промысел, перебранки бодрствующих ночью птиц и постоянное жужжание местного гнуса. Но страх не услышать или учуять приближение праздношатающегося бунси полностью правил разумом Лапуреля. Даже тот факт, что сразу несколько mosquitos пьют его кровь, не мог отвлечь его от выполнения задачи.

Шаг. Остановка. Попытка услышать, не идёт ли кто навстречу. Но были слышны только шаги Джона. Насчёт Родриго Пьер не был так уверен, что слышит, как он идёт. Возможно, он серьёзно от них отстал или, быть может, поступил более разумно и вернулся в их хижину.

Шаг. Остановка. Из признаков человеческого присутствия только сопение Джона. Пьер задумался, интересно, он ещё не пожалел о своей наблюдательности и музыкальном слухе. Возможно, именно ему следовало идти первым, раз он тоже обладает такими острыми органами чувств. Хотя, находясь в хижине, он разделял недовольство своих друзей по поводу попытки обмануть их – а он в отличие от Родриго не верил, что в истории старой задницы было хоть слово правды, очень уж она хороша была –, отправившись в путь, он пересмотрел своё отношение к ней. Она была достаточно хороша, чтобы насладиться ей, вернуться домой и потом, спустя годы, сидя на веранде дедушкиного дома с бокалом хорошего вина, придаваться воспоминаниям о пережитой, и это самое главное, авантюре.

Шаг. Хруст ветки под ногой. Незамедлительная остановка. Попытка удержаться от стремительного бегства к хижине.

Пока Пьер старательно вслушивался в звуки ночи, его успел нагнать Джон, и теперь они вдвоём пытались уловить момент, когда им придётся спасаться бегством. В тоже самое время они очень чётко осознали, что в предложенном Родриго плане был один изъян: они не обговорили, что им делать, если бунси засекут их попытку подобраться к Когто. Но спустя некоторое время окружающая их действительность стала возвращаться в своё естественное состояние. Звуки ночной жизни леса стали раздаваться с прежней интенсивностью.

– Признаюсь честно, Джон, в данный момент у меня возникло много убедительных аргументов, почему нам лучше отправиться назад и проспать всё оставшееся до рассвета время, – Пьер старался говорить, как можно тише, но разыгравшееся воображение шептало ему, что его крики слышны всей деревне.

В ответ Джон неопределённо пожал плечами.

– Ты сам понимаешь, что Клеменсо сейчас ничто не в силах переубедить. Тут и его честь задета, и сам знаешь, что у него были далеко идущие планы, связанные с нашими открытиями. Так что, боюсь, либо мы двигаемся вперёд, либо он лично столкнёт нас в какое-нибудь болото. Да и в наших же интересах выяснить, сколько баек нам понарасказывал старик. Мы не можем вернуться домой с лживой информацией. Так что Родриго прав, у нас нет другого пути.

После этих слов своего товарища Пьер вновь возобновил свой ритмичный путь. Шаг. Остановка. Попытка уловить какие-нибудь изменения, сигнализирующие о приближении воинов бунси. Только на этот раз Пьер следил, чтобы слишком не отдаляться от Джона.

– Послушай, а какова вероятность, что на нас нападёт не представитель племени хомо сапиенс?

– Ты имеешь ввиду, можем ли мы пополнить рацион местной фауны? Что же вероятность этого довольно велика. Многие хищники отправляются на охоту ночью. Опять же, кто знает, вдруг неподалёку водятся бегемоты. Они как раз ночью предпочитают выходить на выпас.

– Вот почему, Джон, ты не мог мне просто соврать?

Шаг. На этот раз очень осторожный шаг. Остановка. Попытка уловить на этот раз не только наличие бунси, но и поиск признаков присутствия диких хищников. На этот раз, похоже, им повезло.

Шаг. Остановка. Показалось ли Пьеру или сбоку от них блеснули глаза, возможно, тигра? Спустя долгую паузу, достаточную длинную, чтобы убедиться в отсутствии представителя кошачьих и вспомнить, что они не обитают на этом континенте, организм и разум готовы к следующему шагу.

Шаг. Остановка.

И вот, спустя целую вечность, которая по ощущениям Пьера позволила бы пешком преодолеть всю Францию с севера на юг, а не просто пройти несколько сот метров по африканской земле, они почти достигли промежуточной цели. Радостное осознание этого факта почти тотчас сменили другие страхи. Как им предстоит пробираться по деревне, при этом искать их проводника и оставаться незаметными. Чем дальше они заходили в своей авантюре, тем меньше веры в её успех оставалось у Лапуреля. О чём только они думали? У них же вообще нет никакого плана, только ослиное упрямство Родриго в его нежелании возвращаться с пустыми руками.

Неизвестно, если бы Пьер не отвлёкся на свои мысли и продолжал бы всматриваться в ночь, то успел бы он заметить, но в самый разгар его внутренних терзаний ему на плечо опустилась большая чёрная рука. Впоследствии он так и не смог объяснить, почему не завизжал в этот момент или не рухнул на землю. При пересказах этой истории Пьер утверждал, что в нём на какое-то время проснулся дух его великих галльских завоевателей, которые возрождали Римскую империю, но Джон, успевший в то время догнать авангард их отряда утверждал, что Пьер по виду впал в столь идеально сбалансированный вертикальный обморок, что умудрился не бухнуться прямо под ноги бунси.

Ни Пьер, ни Джон не знали, что им предпринять. Стоит ли атаковать аборигена или надо дожждаться подхода Родриго. Эти их размышления прервал бунси. Его лицо расплылось в широкой улыбке, и он перевёл свой взгляд на Джона. Он радостно что-то пророкотал на своём наречии и на этот раз похлопал по плечу. Хоть Джон и был более крепкого телосложения и присутствие представителя бунси не было неожиданностью для него, это похлопывание едва не заставило его плюхнуться на тропу. В этот момент Джон проникся большим уважением к Пьеру, пусть у него всё ещё не сменилось выражение лица, и из его открытого рта начала течь слюна. Тем временем их безымянный друг произнес ещё какую-то фразу и ткнул своей второй рукой Лапуреля в грудь. Это могло бы быть плохим знаком, и Джон подготовился прыгнуть на бунси, пусть даже не представляя, что делать дальше, и осозная, как малы его шансы на успех. Пока его тело набиралось решительности, его глаза успели разглядеть в зажатой руке кувшин. Похоже знакомый образ также помог хотя бы части сознания Пьера вернуться к реальности, и его рука каким-то дёрганным движением взяла протянутый ему сосуд, поднесла его ко рту и дождалась, когда последний сделает пару глотков.

Напиток был достаточно крепким, чтобы вернуть оставшуюся часть сознания Лапуреля в эту реальность. Пьер закашлялся и начал хватать ртом воздух. Это действие вызвало очеред-

ной всплеск положительных эмоций у бунси, и он залился громким смехом, предварительно выхватив из рук Пьера кувшин. Он произнёс очередную фразу, значение которой было неизвестно, и обвёл рукой деревню, словно пытаясь стрести её своей пригоршней. После этого он ткнул в них пальцем и закончил свою мысль. Сделав глоток, воин снова хлопнул по спине француза и не совсем твёрдой походкой двинулся в сторону от деревни. На этот раз Пьер точно не устоял бы, если бы Джон не подхватил его.

– Спокойно, Пьер, всё в порядке. Нам повезло, он ушёл.

– Он ушёл, но вот на счёт нашего везения я бы не стал так уж уверенно говорить, – Родриго сделал шаг из тени, которая до этого скрывала его присутствие. – Пьер, как ты мог не заметить такого крупного бунси? Я разочарован.

В ответ Лапурель защищающе закашлялся. Не желая дать возможность разгореться спору, Джон решил переключить внимание товарищей на насущную проблему.

– Рискну предположить, что мы предоставили бунси повод для праздника, что для нас является хорошим и плохим знаком одновременно. Хорошим, потому что бдительность бунси упала. Плохим – мы все уже видели сверхъестественное умение Жерома вливаться в такие праздники. Так что, боюсь, найти нашего проводника может быть практически невыполнимой задачей.

– Ты прав, Джон, но сконцентрируемся на хорошей части, – Клеменсо снова принялся за создание нового плана, – если бунси празднуют, то нам проще подобраться к пещере и, я надеюсь, охрана старика тоже не отказала себе в удовольствии принять участие в попойке.

С этими словами Родриго повернулся и пошёл в направлении пещеры Когто.

Джон с Пьером быстро нагнали Клеменсо. На этот раз они шли не таясь, что довольно сильно контрастировало с их дорогой в деревню. Пьера не очень вдохновлял безбашенный настрой Родриго. Он надеялся, что их испанский товарищ быстро придёт в себя и обсудит ситуацию с ними. Тогда у него появится шанс высказать своё мнение о их ночной прогулке и её необходимости. Лапурель надеялся, что ему удастся добиться поддержки у Моргана, но Джон явно погрузился в свои мысли и никак не реагировал на попытку Пьера подать знак к разговору. В конце концов Пьер сдался и со вздохом решил выступить в непривычной для себя роли голоса разума.

– Постойте. Куда мы так несёмся? Ещё чуть-чуть усилий и мы можем претендовать на рекорд скорости в ночных условиях. Может, всё-таки обсудим положение дел?

– Пьер, очевидно, что здесь нечего обсуждать, – Родриго явно не был настроен на дружелюбный лад. – Нас обманывали, и нам необходимо узнать, почему.

– Это прекрасная цель, но, позволь поинтересоваться, как нам предстоит узнать правду? – француз решил не сдаваться после первой попытки. – Мы будем пытаться его, ломать ему пальцы? Как нам заставить говорить старую задницу?

– О, поверь мне, у меня есть идея на этот счёт, – Клеменсо на мгновение остановился, обернулся, чтобы посмотреть на своих товарищей и улыбнулся так, что у Пьера возникло плохое предчувствие – ломание пальцев не было самым страшным вариантом, который рассматривал Родриго.

И вновь Родриго устремился в сторону пещеры, освещённый вход в которую уже был им виден. Лапурель немного подотстал, надеясь переговорить с Джоном, но на его попытку завести разговор Морган вновь ответил неясным пожатием плеч. Это заставило сдаться Пьера. Он попытался сделать всё, что было в его силах и даже больше, чтобы заставить их взглянуть на ситуацию трезво, но это благородное начинание потерпело крах. Что ж, раз безумные маршируют в ад, то он постарается не отставать от них. Всё-таки быстрая смерть среди знакомых лиц предпочтительнее, чем долгие мучения в одиночку, которым безусловно подвергли бы его местные дикари, если он умудрился бы пережить ближайшие часа четыре в одиночку. Какой-то

внутренний голос, упрямо твердил ему, что в сложившейся ситуации есть определённая вина и его самого. Если бы только он умудрился удержать свой язык и не выболтать о винном аромате, то сейчас он спокойно спал. Но будучи честным, хотя бы с самим собой Пьер осознавал, что это бессмысленный упрёк, его язык всегда принимал ответственные решения вместо него.

Тем времен они приблизились ко входу в пещеру Когто. Казалось, что Родриго и не думает останавливаться и планирует таким же уверенным шагом пройти мимо охранников у тёмного зёва пещеры. Охранников, кстати, было двое. Один из них стоял у входа, а другой сидел, прислонившись к дереву. У каждого из них было по копьё, эффективность которых, особенно в вопросе протыкания людей, не могла вызвать вопросов. В последний момент Клеменсо доказал, что он не лишился разума окончательно и свернул с тропы, начав по дуге подбираться ко входу пещеры, при этом стараясь не попасть в освещённый факелами полукруг. Наконец Родриго замер возле камня, который от их цели отделяло не больше пятнадцати метров. Тут к нему присоединились и его товарищи.

– Так всё-таки, какой у тебя план? Как нам пройти мимо охранников? – Джон наконец вышел из состояния глубокой задумчивости и тоже начал проявлять заинтересованность в их мероприятии.

– Лучший план – действовать просто, – Родриго не растерял ни капли своего настроения.

– А самое простое теперь – это вернуться назад.

– Пьер, должен тебя предупредить, что теперь твои шутки неуместны, и мы должны быть максимально сконцентрированными.

В ответ на замечание Клеменсо Пьер попытался скорчить гримасу, которой хотел сказать, что даже на Страшном суде он не будет столь же серьёзен. Но после Джон утверждал, что Лапурель в тот момент выглядел так, будто хотел пожаловаться на натёртую мозоль.

Тем временем, не посвящая друзей в детали своего плана, Родриго подобрал с земли камень и бросил его в заросли кустарника на противоположной стороне. Пьер только и смог, что закатить глаза, признавая безусловную простоту этого плана. Но, к его удивлению, план начал работать. Охранник, сидевший под деревом, повернул голову в сторону шума и, оперевшись на копьё, поднялся на ноги. Теперь было очевидна правота Клеменсо, даже стражи Когто приняли участие в празднике. Бунси явно испытывал проблемы со стабильным нахождением в вертикальном состоянии. Проще говоря, его качало, а копьё в его руках выписывало какие-то безумные восьмёрки. Он что-то рыкнул на своём наречии. Было только непонятно, обращался он к невидимому врагу или к своему товарищу. Следующее его действие показало, что правильным был второй вариант. Воин нетвёрдой походкой подошёл к своему напарнику и хлопнул его по плечу. В ответ тот всхрипнул и плавно съехал на землю, чем вызвал явно неодобрительный комментарий в свой адрес. Находящийся в сознании бунси вновь переключил своё внимание на странный куст и начал осторожно, насколько это было возможно в его состоянии⁸, подбираться к своей цели. Наконец, он оказался на расстоянии вытянутого копьё от кустарника. Осторожно он просунул копьё между веток и начал быстро трясти им куст. В ответ раздалась протестующая отповедь какой-то местной птицы, которая чёрной тенью метнулась прочь от ставшего беспокойным укрытия. Это вызвало вспышку немного нервного смеха у бунси. После этого он обернулся, чтобы оценить состояние своего товарища, и на этот раз его смех прозвучал намного увереннее. Он подошёл к павшему в неравном бою с местным продуктом брожения бунси, при этом то ли, отчитывая его за неумеренное пьянство, то ли порицая, что последний недостаточно честно делился имеющейся выпивкой. Отложив копьё, он придал ему вертикальное положение, для устойчивости подперев его копьём. После чего он убедился, что его кувшин пуст и, высказав наставление своему товарищу, направился в сторону деревенских костров.

⁸ А это означало, что он пытался не споткнуться и не напороться на своё копьё.

Пьер был готов ущипнуть себя, настолько нереально выглядела вся эта сцена. Как будто бунси специально решили разыграть перед ними этот фарс, и как только они выйдут из укрытия их окружит отряд воинов. Но охранник уже удалился на приличное расстояние, и Родриго с Джоном быстро направились ко входу в пещеру.

– Во истину, Бог благоволит глупцам, – пробормотав эту фразу, Пьер тоже метнулся в пещеру.

Сперва друзья попали в знакомый им по дневной аудиенции зал. Всего пару минут потребовалось Джону чтобы сориентироваться и ткнуть пальцем в сторону, где находилась пещера с наскальными рисунками.

Невозможно было не признать, что ночью изображения на стенах выглядели более загадочно и от этого убедительнее. Пьер остановился, чтобы ещё раз полюбоваться ими. Пусть даже это были подделки, но, как человек, не раз продававший молодое вино, как выдержанное, Лапурель не мог ни признать великолепие этих примитивных рисунков. Они, действительно, как будто говорили со зрителем и приглашали принять участие в самообмане. Джон тоже воспользовался возможностью внимательнее рассмотреть роспись пещеры и найти ещё доказательства их теории. Даже Родриго молча смотрел на картины, как будто признавая, что только достойные работы могли ввести его в заблуждение.

– Мы так и будем пялиться на эти картинки или продолжим безрассудствовать? – первым сбросил с себя магию рисунков Лапурель, у которого было достаточно возможностей налюбоваться ими днём.

– Пьер прав. Джон, не отставай, – Родриго вновь взял инициативу в свои руки.

Когда они практически одновременно повернулись ко входу в помещение Когто, они увидели, что старик уже услышал их, и теперь стоял в проходе и негромко что-то скрипел себе под нос.

– Предлагаю прекратить это представление, – голос Клеменсо был подчёркнуто сух. – Когда мы зашли сюда, я расслышал стук клавиш печатной машинки. Так что предлагаю перейти к общению на более известных языках.

Старик нахмурился. Его взгляд устремился за спины друзей.

– Если вы надеетесь позвать стражников, то сразу разочарую. Один из них мертвецки пьян, а другой решил не бросать своего товарища одного и теперь ищет в деревне возможность достичь того же состояния, – Родриго внешне был спокоен, и опасение Пьера, что испанский аристократ поддастся чувствам и попыбует напасть на Когто, не оправдалось.

– Проклятые пьяницы, я им ещё устрою, – На чистом английском выругался Когто. Затем улыбнулся, показав свои оставшиеся зубы, и сказал. – Что ж, поздравляю, вам удалось меня раскусить. Может поделитесь, чем я себя выдал?

– В данной ситуации мы ждём ответов на наши вопросы. И только потом решим, чем нам делиться с тобой, старик, – Клеменсо явно показывал, что попытка Когто снять напряжение не увенчалась успехом.

Когто глубоко вздохнул и махнул морщинистой рукой, приглашая зайти в его обитель.

– Не хотите ли кофе с виски? У меня есть отличный ирландский виски двенадцатилетней выдержки.

Друзья последовали за старцем. В новом помещении им открылся диссонирующий с прочей дикой действительностью вид. У Когто в пещере стоял комплект мягкой мебели, обшитой цветастым гобеленом. На одном из кресел валялась небрежно брошенная принесённая ранее в дар противомосkitная лампа. Помимо него у противоположной стены стоял офисный стол с мягким креслом. На столе стояли два подсвечника с зажжёнными свечами, довольно старая печатная машинка, значительно более современный радиоприёмник и валялось несколько

заполненных печатным текстом листов. Рядом со столом стояла небольшая газовая горелка и маленький баллон с пропаном. На горелке начинал свистеть закипающий чайник.

Когто начал копошиться возле своего стола и доставать одну за другой кофейные чашки и стаканы для бренди.

– Прошу прощения, мне нечасто доводится принимать здесь гостей, знакомых с благами цивилизации, – старик подозрительно осмотрел немного запылившиеся стаканы, затем пожал плечами и налил в них янтарную жидкость. – Прошу, угощайтесь.

– Ты опять увливаешь от разговора, – Родриго всё также держался отстранённо.

Когто вновь вздохнул, сделал глоток из одного стакана и сказал:

– Хорошо, только я не пойму, почему я должен отвечать на ваши вопросы. Рано или поздно мои нерадивые подопечные проснутся, и им станет интересно, почему их духовный лидер не показывается из пещеры. Так что ваше положение незавидное. И сразу прошу, не утруждайтесь угрозами пыток. Я вижу, вы интеллигентные молодые люди, так что пытаться вы не умеете и скорее всего просто сразу dokonаете меня. Так, повторюсь, почему я должен отвечать? – старик выразительно посмотрел поверх стакана и сделал ещё один глоток.

В этот момент все ожидали взрыва эмоций Клеменсо, но Родриго остался всё также надменен

– Для начала я должен обратить внимание на то, что мы сейчас одни, что само по себе является веским аргументом, чтоб не отказываться вступать в диалог с нами.

– О, сразу переходим к аргументам физической расправы, – Когто продолжал улыбаться и не выглядел встревоженным. – Я немного разочарован. Днём мне показалось, что вы более изобретательны и фантазии у вас побольше будет.

– Это и не была угроза, – лицо Родриго не выражало эмоций. – Просто констатация факта. Угрозы начнутся сейчас. Мы останемся здесь до утра в любом случае. Если ты ответишь на наши вопросы, то на восходе солнца мы не выволочем тебя на обозрение твоим соплеменникам. И не бросим тебе вызов сразиться с нами в духовном противостоянии. Поверь мне, мы сможем за это время придумать, как максимально унижить тебя перед всеми. У нас ещё есть парочка сюрпризов в рукаве.

От такой наглой лжи Пьер, как ему показалось, едва не начал икать, но он был опытным продавцом и благодаря своей выучке сумел сдержать свой внутренний порыв. Следующая мысль вновь вызвала приступ внутренней паники – удалось ли сдержать свои эмоции менее опытному Джону. Скосив глаза, Лапурель с облегчением увидел, что Морган продолжает внимательно рассматривать обстановку обители старика.

– Мне кажется, что такое наше поведение должно подорвать безоговорочную веру этих дикарей в могущество Когто, – Клеменсо продолжал гнуть свою линию. – Похоже, что они могут придумать более изобретательный способ воздействия на тебя.

Слова Родного явно возымели действие на Когто. Он залпом допил виски и пошаркал к своему столу за дополнительной порцией выпивки. Пока он проделывал этот путь, Пьер решил, что тактика кнута в этом случае может эффективно сочетаться с попыткой добавить в ведущийся разговор немного пряника.

– К тому же мы можем предложить Вам услугу.

Тот факт, что Пьер не назвал Когто старой задницей удивило его товарищей. Джон отвлёкся от своего занятия – созерцания интерьера пещеры –, а Родриго в свою очередь впервые после их появления в пещере позволил себе проявить эмоции: его брови на мгновение приподнялись, демонстрируя овладевшее им удивление. Когто тоже отреагировал на слова Лапуреля. Он налил себе новую порцию виски и махнул рукой, предлагая продолжать.

– Очевидно, что за всем этим, – Пьер вытянул руку в сторону пещеры с рисунками, – есть своя интересная история. Подозреваю, что хоть она и не связана с пришельцами, но Вам явно довелось проделать захватывающий путь, чтобы оказаться здесь. Мне кажется, мир достоин

узнать Вашу историю, для нас было бы честью бережно перенести её на бумагу и поведать миру. Нисколько не сомневаюсь в том, что она способна покорить многие сердца. Мир должен знать Ваше имя и Вашу историю.

Слова Лапуреля нашли отклик в душе старика. Он сделал ещё один глоток и поставил недопитый стакан на стол.

– Действительно, мне не хотелось бы давать повод моим воинам устроить пляски на моих кишках, пока я буду молить богов о смерти, – Когто подошёл к одному из кожаных кресел и неуклюже плюхнулся в него. – К тому же, действительно, история, в которую я попал, далеко не обычная.

Не дожидаясь приглашения, Родриго подошёл ко второму креслу, скинул с него их дар Когто и намного грациознее занял его. Джону с Пьером не осталось иного варианта, как довольствоваться местами на диване.

Старик все эти секунды рассеяно смотрел на пламя свечей.

– Филипп Мбебанкове, – после небольшой паузы произнёс он, – постарайтесь запомнить – моё настоящее имя, Филипп Мбебанкове. И, действительно, я прожил необычную жизнь. По крайней мере её первую часть.

Моей матерью была швея в Боме. Надо признать, что основной доход она получала далеко не за пошив платьев. Наверное, поэтому, кем был мой отец, мне неизвестно. С ранних лет я начал самостоятельно заботиться о себе. Обычно я делал это, воруя чужие вещи, но иногда находились и менее нервные способы заработать. К четырнадцати годам я уже достаточно свыкся с тёмной стороной жизни города и даже начал получать некоторое удовольствие в краже чужих вещей. Практически всё своё время тогда я проводил в доках. Мать это не очень волновало. Я не мешал её бизнесу, и это её вполне устраивало. С самого детства я видел там серьёзных людей, которые могли позволить себе ездить на машинах и их словам беспрекословно подчинялись. Я твёрдо решил, что однажды на их месте окажусь я.

Сначала я решил сделать себе карьеру стандартным способом. После некоторых размышлений я вступил в профсоюз доктора Винчестера. Конечно, он не был доктором, и настоящая его фамилия не была Винчестер, но он уверенно, несмотря на преклонный возраст, держал почти треть контрабандных перевозок в порту. За глаза его звали Гиппопотам. Не знаю почему, всегда думал, что из-за того, что у него всего было шесть зубов. Так вот я вступил в его профсоюз и начал выполнять его поручения. Я проносил небольшие посылки на корабли, плывущие в Европу и Америку, таскал взятки полицейским, иногда участвовал в разборках с другими профсоюзами.

Так прошло почти два года. В какой-то момент я с раздражением осознал, что за это время я так и не приблизился к своей мечте. Я оставался всё тем же мальчиком на побегушках, пусть даже значительно подросшим и физически окрепшим. В этот момент я решил, что должен активнее стремиться к своей цели. Так у меня появился план. Хотя я сам таскал всякую мелочовку на суда, мне было известно, что иногда на них доставлялись и ценные вещи: золотые самородки и драгоценные камни. Я знал, кто их доставляет, и среди них был тот, кто мне показался идеальной мишенью. Это был какой-то племянник Гиппопотама. Он был отчаянным пьяницей, и мне было легко войти к нему в доверие. Ежевечернее угощение его выпивкой, и вот через два месяца он считал меня своим лучшим другом. Он начал делиться со мной информацией о своих доставках, и в конце концов он проболтался о времени и месте одной из них.

Он должен был доставить одну посылку с золотыми самородками. Этот пьяница рассказывал мне всё. Сколько у него будет золота, когда и где он должен будет его отдать. Он даже спросил моего совета, какой кратчайший путь из бара, где он любил ошиваться, до места встречи.

Когто, или вернее Филипп, залился радостным смехом. Было очевидно, что ему приятно погружаться в воспоминания молодости.

— Я только и ждал такой возможности. Два моих приятеля из портового района месяца за два до этого дня дали согласие на участие в небольшой операции, которая должна была обогатить нас. Каждый вечер они ждали моего сигнала, поэтому я был спокоен. Эта глупая птичка уже была в моих силках. В тот вечер я угощал бедолагу с утроенной силой. В какой-то момент мне даже стало казаться, что я перестарался. К моменту, когда он должен был выходить, я был уверен, загляни я повнимательней в его рот, я бы увидел, как плещется выпитый им джин. Клянусь страданиями мучеников, даже его слезы в тот вечер были пригодны для распития. Он оказался настоящим профессионалом. Самостоятельно дошёл до двери на улицу, самостоятельно смог её открыть. Я же озаботился своим алиби, хоть тогда и не знал ещё такого слова. Выгребя всё, что у меня осталось, я снял комнату у хозяина бара и, стараясь произвести как можно больше шума, сделал вид, что отправляюсь к своей кровати. Мне стоило больших трудов, чтобы не броситься по лестнице в припрыжку. Оказавшись в комнате, я сразу перестал ломать комедию и, заперев дверь, тут же выбрался через окно. В переулке меня уже ждал один из моих партнёров, другой наблюдал за нашей целью. Со всех ног мы кинулись за нашим золотом и, благодаря тому что наша жертва еле двигала ногами, мы быстро нагнали его и присоединились к третьему члену нашей банды. Дальше всё было предельно просто. Надо было дожидаться, пока он будет проходить мимо переулка, толкнуть его туда и отобрать его груз. Нам даже бить его не пришлось. После первого толчка, он рухнул как будто его сбил носорог, и, воспользовавшись удобной позицией, он сразу же принялся плевать. Самым сложным для нас было не попасть под извергающийся из него фонтан, пока мы его обыскивали. Затем мы разделились, заранее договорившись встретиться следующим вечером. Мешок с золотом я, на правах главы нашей кооперации, оставил у себя.

Неизвестно, как бы сложилась моя жизнь, если бы я сразу направился к себе домой, но опьянённый успехом я решил подразнить судьбу и прогуляться ещё по городу. Я не удержался и, спрятавшись в тупике, рискнул поближе взглянуть на свою добычу. Я достал один самородок. Когда я зажал его в руке, на меня снизошла уверенность, что теперь удача будет всегда сопутствовать мне. Так, с куском жёлтого металла в руке я и пришёл к себе. Находясь в эйфории, я потерял всякую бдительность, поэтому громилам Гиппопотам не составило труда схватить меня, при этом одарив парой болезненных ударов. Когда скрюченного меня подняли с пола, я увидел, что сам Гиппопотам посетил меня. Теперь, сидя на моём единственном стуле, он противно ухмылялся, демонстрируя почти все оставшиеся у него зубы. «Мальчишка думал обмануть меня? Если бы на кону не стояла такая прорва золота, то я бы даже восхитился бы твоим безрассудством. Но тебе не повезло, слишком на многое ты раскрыл свой поганный рот. Найдите золото!» Последнее он уже адресовал своим головорезам. Надо признать они чётко справились со своими обязанностями. Через несколько секунд мешочек с золотом был уже у Гиппопотам. «Не хочу, чтобы ты считал меня нечестным и несправедливым по отношению к членам моего профсоюза. У меня тоже есть кое-что твоё». Из-под стула он достал мешок и бросил его к моим ногам. Из него тут же выпали головы моих подельников. Настал мой черед плевать тем вечером. Гиппопотам только радостно смеялся. Даже его шавки открыто улыбались, держа меня за руки. Тут я окончательно осознал, что очень скоро моя голова отделится от туловища и присоединится к двум другим. И тут я начал лить слёзы, как небо в сезон дождей. Я рыдал, я клялся, что моей вины здесь нет и меня заставили угрозами моей жизни и жизни моей матери, что я искуплю свой проступок. Я умолял простить меня. Мне даже удалось убедить свой кишечник обделаться. Всё это возымело желаемый эффект. Вышибалы ослабились и, после того как я наложил себе в штаны, даже постарались отодвинуться от меня. Улыбка Гиппопотам немного сменилась гримасой отвращения. Похоже он не ожидал такого низкого поведения. Именно этого момента я и ждал. Они потеряли бдительность и ослабили свою хватку. Почувствовав момент, я резко врезал лбом одному громиле и пнул в пах другого. Не ожидая такой прыти от меня, они выпустили меня, и я тут же прыгнул в сторону окна, в

тайне надеясь, что по пути смогу крепко приложить Гиппопотама, но он оказался шустрее, чем я думал, и уже верещал, призывая схватить меня и утопить в собственном дерьме. Я же почти добрался до окна, но тут один из вышибал пришёл в себя и успел схватить меня за ногу. Инстинктивно я пнул его свободной ногой в нос и, услышав хруст его хрящей, смешанный с громким воплем боли, выпал на улицу.

Падая, я уже понял, что оставаться в Бома и при этом иметь возможность самостоятельно дышать у меня нет шансов, и, перекатившись после приземления, я тут же побежал в сторону порта. За спиной я слышал крики, которые ничего хорошего мне не обещали. К тому же у меня был прекрасный стимул – желание на расстаться со своей головой. Так что бежал я как самая сильная антилопа. Вскоре я добрался до набережной и, недолго думая, нырнул в воду. Я постарался задержать дыхание как можно дольше и отплыть как можно дальше от берега. Скоро мои лёгкие горели, и мозг требовал сделать глоток воздуха, но я упрямо грёб под водой. У меня заплесали перед глазами красные пятна, и я рискнул вынырнуть. Оказалось, что я достаточно далеко отплыл от берега, и голоса преследователей на берегу звучали уже неразборчиво. Тогда я повернулся в сторону большой воды, оценил, какой из кораблей находится ближе всего ко мне, и поплыл к находящемуся в противоположной стороне гавани. Пока я плыл, у меня было время подумать о случившемся. Теперь я проклинал свою глупость. Только кретин, а Гиппопотам мог быть кем угодно, но только не кретином, отдал бы мешок с золотом пьющему придурку и не позаботился бы о его охране. Позже, когда я вновь оказался в Бома, мне удалось подтвердить мою догадку. Больше полудюжины членов ударного отряда профсоюза сопроводили доставку. Они просто растерялись от нашей наглости и не поверили в реальность происходящего, поэтому и не схватили нас сразу.

С этими мыслями я доплыл до корабля, забрался на него и спрятался в спасательной шлюпке. В ней я и заснул, глядя на огни города, который должен покинуть, и всё ещё сжимая в руке золотой самородок.

Старик вновь наполнил свой стакан, сделал глоток виски, вздохнул и продолжил.

– Утро было тяжёлым. По глупости я надеялся, что смогу незаметно спрятаться на корабле и в ближайшем порту сойти на берег. Но жизнь вновь указала мне, что я самонадеянный балбес. Через пару часов после пробуждения, я почувствовал, что организм требует удовлетворить его нужды, и выбрался из своего укрытия. Практически сразу же меня заметила команда и скрутила в тот момент, когда я справлял нужду с борта корабля. Меня связали и доставили к капитану, которым оказался забавно выглядящий грек по имени Вассилос. Он поинтересовался, какого чёрта я здесь делаю. На мгновение у меня мелькнула мысль, что я могу вырваться и успеть добежать до борта, но с гордостью могу заявить, что именно в этот момент я решил хотя бы начать пытаться думать, прежде чем совершать очередную глупость. Я рассказал почти правдивую историю моего предыдущего вечера. Рассказывая о погоне за мной, я, конечно, умолчал о причинах, по которым она произошла. Ну и, конечно, о своём богатстве я тоже не распространялся. Уже не помню, что конкретно я врал капитану, но он хоть и не поверил мне, всё-таки разрешил остаться на корабле до ближайшего порта. Взамен я исполнял обязанности юнги. Скоро корабль достиг берегов Европы, и я впервые ступил на новый для меня континент. Это был порт Малаги, и хотел бы я сказать, что за время моего морского путешествия я сдружился с командой, завоевал доверие капитана, и мне предложили остаться на корабле. Это слишком красиво для правды. Я был откровенно хреновым моряком. Избегал работу, а, когда боцман находил моё новое место для круглосуточного сна и пинками, сдобренными руганью на разных языках, гнал драить палубу, со своими обязанностями я справлялся плохо.

– Так на южном берегу Испании началась моя новая жизнь, – Филипп снова начал улыбаться. – Европа приходила в себя после большой войны, и мне довелось поучаствовать во многих занимательных историях.

Похоже, что старику, наконец, удалось сломить терпение Родриго, и тот поднялся со своего кресла. Подойдя к нему, испанец вырвал у него из рук полупустой стакан и залпом выпил янтарную жидкость. Затем он поставил стакан на стол, вернулся к своему креслу и, не моргая, уставился на старика. Филипп мгновенно понял намёк, и улыбка поспешила скрыться с его лица.

– Но вас, конечно же, интересует не это. В общем мой нрав всё-таки время от времени втравливал меня в неприятности, и следующие лет шесть я менял один порт на другой. Пока в 1951 году я не оказался в Брюгге. В очередной раз я попытался извлечь урок из своих злоключений и пожить спокойной жизнью. Я устроился работать грузчиком в доках. По сути, так начиналась моя жизнь в каждом порту до этого. Какое-то время я был счастлив. Я по двенадцать часов в день таскал грузы с кораблей и обратно. У меня появилось немного денег, а вместе с ними возможность проводить время в барах. Наливаясь бельгийским пивом, я стал больше задумываться о том, что неплохо было бы что-нибудь изменить в моей жизни. И чем больше во мне оказывалось пива, тем более правильной казалась эта мысль. К тому же мой золотой самородок всё также был при мне и как будто шептал, что я должен приумножить его, и он тот краеугольный камень, на котором будет построено моё благополучие. Правда, я уже не был тем глупым юнцом, который только сошёл с корабля капитана Вассилоса. Кое-какой опыт у меня был накоплен, и я знал, что некоторые ошибки лучше не повторять. Так я и уничтожал портеры с лаггерами в пабе, надеясь, что количество выпитого мной рано или поздно перейдёт в качественный план. Но пиво текло через меня, а в некоторые дни и мимо меня, но рождению хороших планов оно не способствовало. Я становился всё мрачней, и вот в один день пиво решило, что я слишком туп и взяло всё в свои руки. Не скажу, что выпил я больше обычного, но, когда я шёл в сортир, случайно зацепил одного бугая, который нёс несколько бокалов пива и вполне успешно после моего толчка выронил их.

Это недоразумение вызвало короткий, но эмоциональный спор, во время которого мы старались найти как можно более унижительное оскорбление друг другу. Эту часть выиграл я, сказав, что такому кастрированному быку, как он, пиво ни к чему, так как он всё равно не сможет отлить, а, судя по его заднице, в нём и так его накопилось сверх всякой меры. В этот момент он перешёл на следующий уровень общения и нанёс мне мощный левый хук в челюсть.

Это было немного неожиданно, но я должен признать, что за всё то время, проведённое в различных барах, пабах, тавернах и прочих местах, где я мог напиться, мне довелось кое-чему научиться. Поэтому благодаря приобретённым инстинктам в последний момент я смог немного откинуть голову назад. Удара я не избежал, но по крайней мере он уже не был таким убойным. Меня откинуло, и я, сделав несколько шагов, ударился спиной о барную стойку. Возможно, если бы я был в более добродушном состоянии, то в этот момент я бы пьяно улыбнулся и сказал бы что-нибудь в стиле: «Прости, приятель, я был не прав, давай я куплю тебе новую пинту пива». И в этом случае мы бы сейчас не беседовали в этой гостеприимной дыре. Это был не тот день. Вообще я практически не помню, чтобы у меня выпадали бы настолько благоприятные дни, и я оставил бы без ответа такой вызов. Поэтому я заревел и бросился на него. В драках я всегда брал нахрапом, но мой противник на этот раз оказался более умелым. Он не махал руками, как я, а пытался блокировать мои удары и при этом не забывал охаживать меня своими. Спустя некоторое время, хотя мне казалось, что уже вот-вот на востоке должны появиться первые утренние лучи, я начал выдыхаться и отступать назад. Товарищи этого бычка заметили это и радостно заорали, подбадривая моего противника и требуя, чтоб мое лицо стало бы более однородным. Мои руки становились тяжелее, из горла вырывался уже не рык, а скорее хрип, и ноги обещали запутаться между собой. От исполнения последнего обещания меня спасла моя уже старая знакомая – барная стойка. Я опять упёрся в неё и на этот раз я думал не о том, чтобы измочалить этого быка, но чтоб самому не стать полуфабрикатом для завтрашнего меню бара. В этот момент удача решила, что уже достаточно поиздевалась

надо мной и я почувствовал, как локтем задел стоящую на стойке пивную бутылку. Если бы у меня было время подумать, то я бы и двух секунд не потратил бы на то, чтобы серьёзно рассмотреть такую возможность. Очень уж это примитивно, а мой противник явно был не примитивный. Но, слава богу, я получил достаточно ударов в голову, чтобы потерять способность рассуждать здраво. На этот раз я не пожалел о своей глупости. Я схватил бутылку и просто попытался ударить своего врага по голове. У него хватило мастерства заблокировать мой удар, но он не принял во внимание тот факт, что ему надо останавливать не мой кулак. Бутылка выскользнул из моей руки и, вращаясь, впечаталась ему между глаз. Это не был нокаутирующий удар, но он заставил его потерять ориентацию, отступить на пару шагов и запнуться за так вовремя подвернувшийся стул. Он рухнул на пол и начал отчаянно ругаться по-фламандски. Я решил не ждать, когда он сможет воплотить свои угрозы в жизнь, или его дружки не решат помочь ему. Я схватил стул и решил проложить им путь к отступлению через окно. Но моя удача снова решила передохнуть, и я даже близко не попал ни в одно из окон. Моё странное поведение привело в замешательство практически всех, и я решил, за неимением лучшего, пользоваться этой возможностью. Я набылчился и с криком, в котором, наверное, звучала нота отчаяния, бросился к двери паба. Как и в Боме мне удалось вырваться из неприятной ситуации и, резво перебирая ногами в сторону арендуемой мной комнаты, я даже подумал, что мне сильно везёт в городах, название которых начинается на «Б», и поэтому мне надо вспомнить ещё порты, которые начинаются с этой прекрасной буквы.

На следующее утро мне показалось, что в баре я дрался не с человеком, а пытался не попасть под ноги дикому носорогу. Всё тело болело, а на отражение в зеркале я вообще предпочёл не смотреть. Всё равно я и до этого не был жгучим красавцем, а давешние процедуры не должны были поспособствовать улучшению положения. Я признал себе, что тягать тюки я в любом случае не в состоянии, и поэтому на работу идти бессмысленно. Лучше посвятить время восстановлению. А как известно алкоголь вполне годен для этих целей. По дороге в ближайший кабак, я всё-таки поймал одного оборванца и, сунув ему несколько монет, наказал сбегать в доки и передать моему начальнику, что я заболел и не хочу распространять заразу среди своих товарищей.

Первый же бокал пусть и дерьмового пива вернул мне хоть какую-то радость жизни. Следующие пять бокалов только закрепили мой успех. Я только расслабился, как тут же был наказан судьбой. Благодаря выпитому я не сразу заметил изменение атмосферы в кабаке и возникшую тишину. Когда я увидел, как за мой стол садиться какой-то бугай, я сразу напрягся. А когда за его спиной заметил своего вчерашнего противника, то окончательно убедился, что дело дрянное. Оглядевшись по сторонам, я насчитал ещё трёх вышибал (либо сказывались последствия вчерашних ударов, и у меня двоилось в глазах). На этот раз даже безумная удача не смогла бы вырвать меня из цепких когтей судьбы. К тому же моё тело и разум пребывали в состоянии редкого единства и признавали, что это вполне достойный день, чтобы прекратить топтать землю и уже стать её частью. Этот вывод настроил меня на умиротворённый лад, и я заказал седьмой бокал. Если мне предстояло погибать, то я хотел это сделать максимально пьяным. Ну, а если бы мне всё же повезло, то умереть я бы мог от алкогольного отравления.

К моему удивлению, мой оппонент не делал никаких движений, которые я мог расценить как попытку продолжить нашу «беседу». Он только стоял и хмурился. С некоторой долей гордости я смотрел на его синяк, покрывавший оба его глаза. Много лет спустя в одной книге я увидел фотографию одного зверёныша – енота. Так этот бык выглядел как енот. В любом случае в душе я веселился, но при этом пытался не проявлять внешне свои эмоции.

Нам принесли заказанное пиво. Мой молчаливый гость сделал глоток из своего бокала.

– Ты знаешь, кто я?

Я честно помотал головой. Я на самом деле впервые его видел. Пару следующих минут он, не моргая, смотрел на меня, как будто проверяя, не соврал ли я. Похоже, что он убедился в моей честности и сделал ещё один глоток.

– Но ты догадываешься, кто я.

На этот раз он уже не задавал вопрос, а констатировал факт. Действительно, я не знал его имени, не знал, откуда он родом, и кто его родители. Но я уже не раз видел людей такого типа. Он был вожаком. И его не самый блестящий вид, его заношенные штаны, его усеянный дырками жакет и испачканная чем-то красным майка – о я был практически уверен, что это не кровь, он должен был быть достаточно разумен, чтобы не ходить заляпанным чужой кровью – не могли оспорить тот факт, что он был главным. Практически в каждом городе, начиная с Бома, мне доводилось хотя бы видеть таких людей, и обычно они мёртвой хваткой держали самые тёмные части городов.

Все старались выбрать так себе место, чтобы даже при самом внезапном его движении не попасться ему на дороге. Вся его свита заняла позиции так, чтобы он был в центре. Будь я впечатлительней, то, наверное, представил бы себе, что даже зал постарался изменить свою форму, лишь бы этот человек находился в центре. Но у меня уже была выработана привычка трезво смотреть на окружающий мир, поэтому я понимал, что помещение не изменилось, и я всё так же далёк от двери на кухню, как и мгновение назад. Ну а путь к окнам перекрывал мой вчерашний знакомый. Про главный вход я лучше промолчу. Сторонний наблюдатель вполне мог решить, что проходит стачка портовых грузчиков. Так что я просто пил своё пиво.

– Гийом рассказал мне о вашей вчерашней драке, – эти слова он сопровождал кивком головы на моего знакомого. Ну что ж, по крайней мере я узнал имя моего противника. – Он назвал тебя чёртовым долбаным ублюдком. Похоже тебе удалось произвести на него впечатление.

– Это был тяжёлый день и вечер не мог быть иным, – я ответил невпопад. Я уже чувствовал, что, если продолжу молчать, то эта стая решит, будто из-за страха я потерял дар речи. А я был невероятно близок к этому. – Пусть даже я и не хотел, чтобы Гийом стал его частью.

– И всё-таки ты завалил моего человека, – он оставался чертовски конкретным. – И раз ты это сделал, то я должен решить эту проблему. Ты либо пойдёшь на дно, либо выйдешь отсюда моим человеком.

– Я могу подумать? – непонятно с какой целью сорваюсь у меня с языка, скорее я решил потянуть время. Видно, страх всё ещё держал под контролем часть моего языка.

– Конечно, – он кивнул, – только у тебя есть время, пока я допиваю своё пиво.

Я тоже решил допить своё. Должен признать, что решение уже было принято, и я просто хотел насладиться этими последними мгновениями спокойной жизни в Брюгге. Когда мой новый благодетель делал последний глоток, я выпалил:

– Я согласен. Я буду работать на Вас.

– Да, Гийом был прав насчёт тебя. Ты действительно достаточно умный. А теперь слушай. Я король этого порта. Все делают то, что я им говорю. Делают сразу, хорошо и без вопросов. Понятно?

Я смог заставить себя мотнуть головой, надеясь, что это было достаточно похоже на кивок.

– За глаза меня зовут Кувалдой, но мне не нравится это прозвище. Обращайся ко мне только месье Жан-Эрик. И ты будешь делать всё, что я тебе скажу.

– И, месье Жан-Эрик, что Вы мне скажите делать? – я знал, что должен сразу безоговорочно принять его авторитет.

– Гийом очень лестно отозвался о тебе, – Кувалда улыбнулся и, как обычно бывает с людьми его типа, эта улыбка отнюдь не сделала его более человечным. Он только ещё раз подтвердил свою натуру хищника. – А Гийом редко о ком так говорит.

– Он мало кого называет ублюдками? – пиво дало небольшого пинка моим мозгам, и они, пусть может и неправильно, но начали вращаться.

– Да, обычно он всех называет дерьмом, но в твоём случае он ещё добавил, что ты не упал после его ударов, а он три года был непобедимым чемпионом в боях.

Последняя фраза заставила немного переосмыслить предыдущий вечер и признать, что я всё-таки тот ещё счастливчик. Чтобы немного восстановить душевное равновесие, я решил сконцентрироваться на деловой части.

– Так что я должен буду делать, босс?

Кувалда сделал знак, чтобы ему принесли ещё один бокал. Я в свою очередь решил, что не стоит с первых же минут работы на такого человека напиваться в его присутствии.

– Умение держать удар – это очень хорошее качество для бойца.

– Но у Вас уже есть Гийом? – я вновь не справился со своим языком.

– Два бойца всегда лучше, чем один, – похоже мне повезло, и Кувалда не заострил внимание на моей глупости. – К тому же я сказал, что он был чемпионом. Теперь он нужен мне для более важных дел. А вот из тебя можно вылепить, если не нового чемпиона, то хотя бы достойного претендента. А там посмотрим, может ты ещё на что-нибудь сгодишься.

Тут ему принесли пиво, и этот бокал он выпил в полной тишине.

– Сегодня ты можешь отдыхать. А завтра Гийом зайдёт за тобой и отведёт в тренировочный зал. Там ты будешь готовиться к боям. У тебя будет четыре месяца до первого боя. Надеюсь, ты не захочешь меня расстраивать.

В тот момент я хотел этого меньше всего. Пока я переваривал все настигнувшие меня изменения, Кувалда допил своё пиво, поднялся, кивнул мне на прощание и вместе со всеми покинул кабак. Через пять минут через порог осторожно заглянул один храбрец и, убедившись, что страшный гость уже покинул это место, что-то крикнул на улицу. Вскоре завсегда-таи вернулись на свои места, но теперь я ощущал, что вокруг меня сложилась особая зона. Никто не пытался теперь сесть за мой стол, а смотреть на меня могли только, скосив глаза. Я решил, что должен отметить столь благополучный исход встречи с теневым хозяином порта, и заказал себе ещё выпивки. Пока я ждал свой заказ, меня вдруг посетило озарение, Кувалда не спросил ни моего имени, ни где я живу. Так что, возможно, завтра я не увижу Гийома, и тогда мне придётся решать: бежать из города, пока есть такая возможность или отправляться на самостоятельные поиски моего нового работодателя.

К обеду я почувствовал, что уже достаточно восстановил свои силы, и теперь было бы неплохо сообщить своему уже бывшему хозяину, что я больше не буду тягать грузы. К моему удивлению, мой начальник не устроил мне головомойку за то, что я не вышел на работу. Почти сразу он вручил мне на подпись бумагу о расторжении контракта, махнул рукой в сторону ящика, в котором были сложены мои рабочие вещи, и сказал зайти к счетоводу. Там меня ждала моя последняя зарплата. Мне выплатили за весь месяц, хотя должны были чуть больше половины этой суммы. Тогда я понял, что напрасно переживал, что мне пришлось бы самостоятельно искать моего нового босса. Я был уверен, что следующим утром Гийом постучит в мою дверь.

И он постучал. К счастью, дверь каким-то чудом выдержала и не слетела с петель. Он отвёл меня в зал, где начались мои тренировки. Часть из них состояла из изматывающих упражнений. Мой учитель был безжалостен ко мне. Если я падал, пытаясь изобразить усталость, то он мне не верил и пинками заставлял тягать тяжести, бежать очередной кросс или заниматься чем-то ещё, что я с радостью не делал бы. Если я действительно падал от потери сил, то его пинки были более энергичными, мат более разнообразным, и я вновь вставал. Увы, упражнения были лёгкой частью моих занятий. Оставшееся время он занимался развитием моих бойцовых навыков. Мы постоянно проводили спарринги и в этих спаррингах, я с ностальгией вспоминал нашу первую драку. Тогда он был пьян, а меня сопровождали мои друзья: барная

стойка и стул. К тому же тогда я мог использовать бутылку и убежать. Теперь ничего из этого не было. Только ринг и злой Гийом, который нещадно избивал меня, не забывая при этом постоянно сыпать оскорблениями. От других бойцов я узнал, что Гийом известен под прозвищем Подковы. Его противники всегда утверждали, что он дрался нечестно, сжимая в кулаках подковы. Любые другие объяснения силы его ударов они отказывались принимать. Конечно, эти выводы озвучивались спустя некоторое время после боя с Подковой и обычно довольно шепелявым голосом.

Но были и приятные моменты. Никогда до этого у меня не было возможности так много и вкусно есть. К сожалению, на этом приятные моменты заканчивались. Кувалда платил мне кой-какие деньги, но тратить их у меня не было ни времени, ни сил. Первый день я думал, как мне не умереть. Первый месяц, я думал, что было бы неплохо умереть. Второй месяц направление моих мыслей не изменилось. Наконец, на третий месяц тренировок Гийома я всё также мечтал о быстром и безболезненном избавлении от моих страданий. Только теперь мне более-менее удавалось выстоять три минуты против кулаков Подковы. В конце третьего месяца после одной из тренировок он сплюнул себе под ноги и заявил, что я бесполезен и обучать меня – бессмысленная трата его времени. Поэтому он заявил, что через неделю я выйду на первый свой бой, а теперь я волен делать, что захочу.

Первые три дня моей свободной недели я провёл в постели, пытаюсь насладиться представившимся отдыхом. Но получалось это с трудом. Каждый раз, когда я засыпал, я оказывался в тренировочной зале, сильный запах рыбы обещал, что скоро пробьёт час боли, и появлялся Гийом, который доказывал, что рыбная вонь была права. Нет, я слышал байки про суровых наставников и то, как они гоняли своих учеников. В конце концов между ними возникала связь, которая, если не перерастала в дружбу, то хотя бы заставляла уважать друг друга. Так вот, когда почти двадцать лет назад Гийом Подкова после повторного инсульта отдал богу душу, я нашёл возможность выбраться в Брюгге и найти его могилу, на которую и справил нужду. Я ненавидел этого засранца, и надеюсь, что в аду ему вручили в руки раскалённые подковы. Но я отвлёкся.

Последние дни перед боем я готовился самостоятельно, стараясь не переусердствовать. И вот настал день моего первого боя. Много я уже забыл, но то, как меня трясло от нервов, я помню. Почти весь день боя я думал о том, что будет со мной, если я проиграю. Должен ли я буду расплатиться с Жан-Эриком? Будет ли у меня вообще возможность расплатиться?

Бои того дня проходили на каком-то складе. Там был огорожен ринг, рядом с которым стояло несколько столов. Они предназначались для зрителей с серьёзным положением, а также для самого Кувалды. Остальные зрители должны были наблюдать бои стоя. Также в толпе постоянно сновали букмекеры, принимающие ставки на исход боев. Моим противником оказался долговязый парень, не отличавшийся особым мастерством. Он пытался держать меня на расстоянии, но мне хватило пятнадцати секунд, чтобы понять его план, и затем ещё где-то около минуты, чтобы загнать в угол ринга и там сделать из него отличную отбивную. Он не смог сдержать моего натиска и не дожидаясь конца первого раунда. После боя я почувствовал невероятный эмоциональный подъём.

Мне начало казаться, что это начало великого пути, которое я так упорно искал. Мою эйфорию только увеличил тот факт, что меня привели к Жан-Эрику. Босс доков похвалил меня и выдал мне гонорар за первый матч. Это была довольно большая сумма. Я был на седьмом небе от счастья и уже видел себя богатым чемпионом, живущим в собственном доме. И даже угрюмый взгляд Гийома не мог испортить мне настроение. Тогда мне казалось, что засранец просто завидует мне. У меня была победа, у меня были деньги, скоро к моим ногам должен был упасть мир.

После этого я почти год постоянно участвовал в боях и мой первоначальный оптимизм постепенно стал сходиться на нет. Сумма, которая платилась за победу в бою выглядела достойно, но больше 3-4 боев в месяц ты не мог себе позволить. Со временем против меня стали ставить

более серьёзных противников и соответственно увеличился мой заработок, но в свою очередь бои уже не были похожи на лёгкую прогулку, как в первый раз, и теперь почти неделя уходила на то, чтобы восстановиться от прошлого боя. Это уже значило, что я проводил только по два боя в месяц. Конечно, у меня появились и другие возможности зарабатывать. Всё-таки моё имя приобрело некоторую известность, так что меня приглашали для охраны людей и мероприятий. Кроме того, мне доводилось участвовать и в более тёмных делах, где были нужны люди, умеющие помахать кулаками. Но всё равно большого богатства скопить у меня не получалось. Кроме того, я видел, что пусть я и побеждаю, но до вершины мне было далеко. Да и я честно признавал, что те парни, что бились на самом верху, были не чета мне. Я мог бы выстоять против некоторых, при стечении удачных обстоятельств победить одного-другого, но в общем случае должен был бы уступить им.

Эти мысли снова настроили меня на печальный лад. Я стал больше времени проводить в барах. Там я держался особняком и старался не изливать душу случайным слушателям. Слишком велика была вероятность, что мои слова быстро достигли бы ушей Кувалды, и я потерял бы даже ту карьеру, которая сложилась у меня на тот момент. Может быть я бы и дальше плыл по течению, но в это время произошла пара событий, которые подтолкнули меня к рискованным действиям.

Сначала я познакомился с одним англичанином. Мне казалось безумием то, что он появлялся в местах, которые явно не соответствовали его статусу. Он выделялся на общем фоне, как страус в цилиндре на племенной свадьбе. Наверное, поэтому я общался с ним. Даже в безумном сне он не мог быть хоть как-то связан с Кувалдой. Он был профессором и изучал языки. Он говорил, что ищет в бельгийских библиотеках некоторые книги, необходимые для его исследования. Постепенно мы стали всё больше доверять друг другу. Он признался, что пишет книги о странных историях и что уже давно хочет издать один свой роман, но постоянно сталкивается с трудностями. Я рассказывал африканские легенды о богах и духах. В ответ он поделился отрывками из своей неизданной книги. Я много не запомнил, но там был один персонаж, у которого была одна драгоценность, но он только любовался ею и никак не пытался получить выгоду. Это напомнило мне о хранимом мною золотом самородке. Я всё также не мог придумать, как можно было бы приумножить своё богатство. Эти мысли заставили меня поделиться с ним моими переживаниями о том, что моей мечте не суждено сбыться. Я хотел быть богатым, но максимум, чего я достиг – это работа на богатых людей.

В любом случае этот англичанин снова вернул меня к мыслям о возможности заработать большие деньги и сделать это быстро. Эту часть головоломки мне помог собрать один мой знакомый немец. Его звали Дитрих, и он тоже участвовал в боях. Он был почти на десять лет старше меня, довольно весёлого нрава, что для немцев, особенно в то время, не было обычно. Он часто помогал мне в спаррингах, ну и в ночных походах по значным местам.

Во время одной из наших попок я спросил у него, почему ему не удалось сделать более серьёзную боксёрскую карьеру. Я видел, что он был, как боец сильнее, чем я, пусть даже возраст понемногу уже накладывал отпечаток на его форму. Но при этом он дрался с соперниками, которые даже для меня были слабы. Он рассмеялся и рассказал, что у него был уже карьерный взлёт, и лет пять назад он зарабатывал в несколько раз больше, чем теперь. Он был хорош в драках и на его счету была серьёзная серия побед. Он считал себя звездой, но оказалось, что был всего лишь обманкой, которая должна была привлечь достаточно глупцов с достаточным количеством денег. Однажды к нему подошли люди Кувалды и сказали, что он должен проиграть ближайший бой одному юнцу. На тот случай, если он решит сглотить, они сразу предупредили, что на свой победный гонорар он должен будет купить инвалидное кресло. Дитрих всё понял и бой проиграл. Впоследствии он узнал о том, что против него ставили из расчёта пятнадцать к одному, и Кувалда одним этим боем отбил все свои затраты на него. Поделив-

шись своим опытом, Дитрих также сказал, что моя карьера очень сильно напоминает, как и из него надували денежный пузырь.

После этого разговора я взглянул на свои бои с другой стороны, и должен был признать сам себе, что я двигался по траектории Дитриха. Я участвовал только в боях с удобными соперниками, пусть даже они были достойными бойцами. Меня никогда не ставили против тех, с кем у меня возникали трудности во время тренировочных боев. Поэтому мои победы всегда выглядели убедительно, и коэффициенты на моё поражение только росли, хоть пока и не достигли уровня, указанного Дитрихом. Я решил, что не буду смиренно ждать, когда меня принесут в жертву кошельку Жан-Эрика, и должен сам воспользоваться этой ситуацией. Я стал готовиться к сливу боя. Но поражение не было самоцелью, я должен был заработать на нём. И тут должен был вступить в игру мой самородок. Конечно, я не мог просто прийти к букмекеру и поставить против себя. Я бы не успел насвистеть Марсельезу, как меня бы доставили к Кувалде, которого должно было бы заинтересовать моё столь безумное поведение. Так что я начал плести свою паутину. Не буду утомлять вас деталями, так как уже скоро наступит рассвет, но в конце концов почти десяток людей поставили разные суммы у разных букмекеров на моё поражение. В сумме за вычетом организационных расходов мой золотой самородок должен был принести мне восьмикратную прибыль. Также я продал ещё кое-какие ценные вещи и на эти деньги подготовил план отступления. Я понимал, что каждая лишняя минута на бельгийской земле повышала мои шансы навсегда остаться в ней. Ну или не в самой земле, в прибрежных водах. Это зависело бы от настроения Кувалды.

И вот настал тот день. Всё это время я был спокоен и решал текущие задачи, но как только я вышел в зал, где был подготовлен ринг, внутри у меня скрутило кишки безумным спазмом. Даже перед первым боем я так не нервничал. Из всех сил я старался не показывать своих эмоций и только яростно тряс кулаками, выкрикивая всякую нелепицу. Толпе это нравилось. Всё-таки я не удержался и бросил взгляд на столик Жан-Эрика. Но он этого не заметил. Всё его внимание было приковано к разговору с двумя хлыщами в костюмах. Похоже, договаривается с контрабандистами о какой-нибудь большой поставке, решил я.

Мой мандраж мне удалось победить, как только я обеими ногами встал на настил ринга. Знакомый едва слышный скрип под ногами успокоил меня. Теперь я сосредоточился на своём противнике. Это был стереотипный ирландец. Он был рыжий, он любил драться, он был не промах выпить. Даже сейчас от него веяло виски. Информацию о нём я собрал ещё до боя, и с облегчением я понял, что у него не было шансов против меня. Он был задирист, но прямолинеен. Он всегда пёр на соперника, но при этом ниже меня, легче, и его руки были довольно коротки. Единственный его счастливый билет был достать меня апперкотом в ближнем бою. Но, если бы я хотел, то у него не было бы ни шанса добраться до моего подбородка.

Гонг сообщил мне о начале первого раунда. Я не форсировал события, спокойно удерживая этого брата леприкона на удобной дистанции. Он всё равно пытался достать меня, активно лез на рожон, но во время своих атак постоянно получал свою порцию ударов. При этом я старался не переусердствовать. К концу раунда я стал пропускать некоторые его удары. К моему сожалению, они оказались не настолько мощными, как мне хотелось. Он энергично пёр вперёд, но на большее ему не хватало пороха. Я понял, что моя задача окажется сложнее. Одно дело вовремя подставиться и получить свой нокаут, но это был не мой случай. Я должен был проиграть тому, кто не мог выиграть.

В перерыве между раундами я пытался составить новый план боя. Вспоминая первый раунд, я понял одну вещь о моём противнике: защищался он ещё хуже, чем атаковал. Во время моих выпадов он поворачивался ко мне правым боком и выставлял перед собой вытянутую правую руку. Если бы мне надо было бы победить его, это был бы идеальный момент. Я решил сделать из него идеальный момент для поражения.

С началом второго раунда я стал действовать более активно, и ирландец стал паниковать. Он уже особо не пытался меня атаковать. Я проводил ударные серии, после которых обращался к зрителям. Я всячески пытался заставить всех поверить в то, что не сомневаюсь в своей победе. И толпа разделяла моё мнение. Они кричали, улюлюкали, требовали крови. И вот, когда мой соперник уже был на грани отчаяния, я решил провести финальную атаку. Отойдя от него, я заревел, и, скорчив глупую гримасу, кинулся на него, показывая, что хочу добыть его свингом. Инстинктивно в последний момент он принял свою защитную стойку и выставил кулак. Благодарю всех богов, что не успел довести до конца свой удар, я врезался своей челюстью в его кулак. Толпа вскрикнула от неожиданности. Ну а я с сожалением понял, что даже такой комбинации недостаточно, чтобы честно вырубить меня. Поэтому пришлось идти на риск и использовать актёрские навыки. Я заплёл себе ноги и, сделав два неуверенных шага в бок, упал на настил. Судья начал отсчёт. Я показывал, что пытаюсь встать, но ноги мои не поднимались, и я только хрипел от досады. Но вот на счёт шесть я ухватился за канаты и смог принять более-менее вертикальное положение. Но, когда на счёт девять я отпустил верхний канат, то ноги мои снова подогнулись, и я окончательно рухнул на землю. Уже лёжа, я услышал гонг об окончании матча, и ко мне подскочили мои сопровождающие. Один из них пихал мне под нос нюхательную соль. Другой обмахивал полотенцем и интересовался, какого хрена я только что сотворил. Но не они занимали моё внимание. Я следил за метаморфозами, которые происходили с ирландцем. Сначала он тоже не мог понять, что происходит. Затем его лицо озарилось радостью, и он вскинул руки, прокричал что-то, как ему казалось, на английском. Но его практически никто не понял. Да и смотрели все в основном на меня. Затем он осознал все последствия своей победы и тут же, соорудив плаксивую гримасу, повернулся к столику Кувалды и развёл руки в стороны, как бы показывая, что его вины в этой победе нет. В этот момент даже его рыжие волосы стали немного белее. Хотел бы я видеть выражение лица босса. Мне всегда было интересно, какая эмоция правила балом на его лице. Удивление из-за всего произошедшего? Злость, что всё пошло не по его плану? Желание проломить кому-нибудь череп из-за того, что он потерял часть своих денег? Увы, это так и останется для меня тайной. Но в одном я уверен точно, что даже близко его лицо не было в тот момент его обычной маской безэмоциональной скуки.

Я позволил моим секундантам взять меня под руки и оттащить в раздевалку. Там я промямлил им, чтобы они проваливали. Как только за ними закрылась дверь, начался отсчёт времени для совершения моего плана. Быстро вскочив со скамьи, я достал из своего шкафчика мою одежду и бросился к туалету. Там заранее я расшатал крепления окна и, вытащив его, протиснулся на улицу. Пользоваться чёрным ходом мне показалось довольно рискованным. Дальше, пробираясь темными переулками, я направился забрать некоторые свои вещи. На этот раз я решил извлечь урок из своих прошлых приключений и не возвращался в мою квартиру. За пару дней до матча я, воспользовавшись помощью одного попрошайки, снял комнату в одной гостинице. Там меня ждал собранный багаж, который мне надо было забрать. Затем я должен был встретиться с моими посредниками, которые теперь должны были забирать мой выигрыш у букмекеров. И менее чем через два часа я должен был зайти на корабль, плывущий в Исландию. Я надеялся, что в это время Кувалда со своими людьми будет пытаться выяснить у ирландца, какая муха его укусила, что он решил послать в нокаут фаворита босса, не получив прямого указания.

Всё, казалось, шло идеально. Мне не могло не повезти. Поэтому моё разочарование было безгранично, когда в своём гостиничном номере я наткнулся на двух вышибал Жан-Эрика.

– Босс не доволен тобой, – это один из них успел сказать, пока второй не нанёс мне удар, который действительно едва не выбил дух из меня.

– Босс хочет поговорить с тобой, – второй громила продолжал начатый сеанс моего избивания. В принципе, я был согласен с ними. Опять я не смог довести до конца свой план. Если бы у меня была возможность, я бы сам нанёс несколько ударов по своей глупой голове.

– За что? В смысле, как? То есть, я не при чём, – ситуация, в которой я оказался, всё-таки немного выбила меня из колеи. Но даже этим камнеголовым было понятен смысл моих вопросов.

– Ты думал, что сможешь обмануть босса? Когда-то он сам дрался в боях и знает, когда человек падает от удара, а когда, потому что он решил, что никого нет умнее его, – они явно наслаждались моментом. Я же мысленно клял про себя, что прозвище Кувалды не натолкнуло меня на мысль проверить его происхождение.

– К тому же у босса достаточно друзей, которые предупредили его о твоём предательстве, – и первый громила разрушил магию величия своего босса. – Его предупредили перед боем, что к тебе надо приглядеться.

В голове у меня родились мысли о том, смогу ли я пережить эту ночь. И если да, то успели ли мои посредники забрать выигрыш. Глупость моих размышлений показала следующая фраза моих новых друзей.

– Не переживай. Босс скоро придёт сюда. Ему только надо собрать твой выигрыш, а ты достаточно усложнил ему задачу. Но всё равно босс хочет поблагодарить тебя лично за то, что самостоятельно провернул его план по твоему сливу. Хотя ты и немного поторопился, – троглодиты снова радостно заржали. А я всё пытался найти лазейку, через которую мог бы ускользнуть, но было похоже, что сегодняшние удары по голове ожидаемо отрицательно сказались на моих творческих способностях. Ни одна здравая мысль не приходила ко мне. И именно, когда я находился в таком состоянии, раздался стук в дверь.

– А вот и босс! – сделал очевидный комментарий один из моих незваных гостей и, громко засмеявшись, быстро подошёл к двери. – Босс сейчас выразит всю свою признательность.

С этими словами он открыл дверь. Но за дверью оказался не глава преступной жизни порта, а два незнакомца в пиджаках. Один из них был чем-то похож на моего знакомого профессора. Он тоже был одет в твидовый костюм, и из кармана его жилетки тянулась цепочка карманных часов. Но в отличие от моего знакомого он был абсолютно лыс. На его лице было такое выражение лица, будто он сам не понимал, что он забыл в этой части города, и при этом не собирался утруждать себя разгадкой этой тайны, так как не планировал задерживаться здесь достаточно долго. Второй мужчина был тоже одет в костюм, только это был обычный деловой костюм коричневого цвета. Через его правую руку был перекинут плащ, а голову украшала шляпа. Также в отличии от своего спутника он широко улыбался и казалось, что он хочет поделиться анекдотом, который он только что услышал.

Громила, открывший дверь, ещё не успел сменить своё подобострастное выражение радости, как мистер Коричневый, тоже продолжая улыбаться, кинул ему в лицо свой плащ. В скрытой до этого правой руке у него оказалась зажата деревянная дубинка, которой он тут же воспользовался, нанёс удар по голове встретившего его человека. Может быть в другой обстановке я бы поразился такому поведению, но в тот момент я только радовался, что этот засранец будет страдать, когда придёт в себя.

– Э! Какого чёрта? Боссу это не понравится, – второму громиле явно не пришлось по душе, как обошлись с его товарищем, и он пошёл на мистера Коричневого, который уже успел войти в мой номер и начал с левой стороны обходить свою вторую цель. Я ждал интересной драки, но, как и человек Кувалды, я упустил из виду мистера Твида. Он в свою очередь бесшумно переступил порог комнаты, при этом доставая из кармана заполненный чем-то шприц, и, зайдя за спину своей цели, сделал ей укол. Громила развернулся, моргнул. После этого он схватил себя за шею и, будто надеясь, что я смогу объяснить происходящее, посмотрел на меня. После этого он упал туда, где только что находился мистер Твид.

– У нас максимум пять минут, – с этими словами он мотнул головой в мою сторону, и мистер Коричневый, спрятав дубинку под пиджаком и разведя руки в стороны, подошёл ко мне.

– Привет, приятель. Неожиданно, да? У тебя сейчас начнёт крутиться в голове море вопросов, и обещаю, на кое-какие из них я тебе отвечу. Но сейчас ты должен сконцентрироваться на том, что мы совсем немного обгоняем Кувалду. Поэтому, если хочешь ещё подумать на этом свете, ты должен встать и пойти с нами. По крайней мере нам ты нужен живой. Так как? Ты с нами или останешься ждать своего босса? – он продолжал улыбаться будто эта ситуация дарила ему истинную радость.

Мне это казалось странным, но оставшаяся активной часть моего сознания дала мне пинка, и я быстро подскочил со стула и пошёл к двери. Возле неё уже стоял мистер Твид и было похоже, что он высматривал приближение Жан-Эрика и его свиты. Увидев, что я подошёл к нему, он бросил на меня быстрый взгляд.

– Федерико?

– Не беспокойся, Вильгельм, всё под контролем, – тот, кого называли Федерико, уже стоял у меня за спиной. Он поднимал плащ со своей жертвы. В левой руке он держал мой чемодан.

Вильгельм в свою очередь тоже не терял время даром и уже вышел в коридор.

– Следуйте за мной. Идти будем быстро и, по возможности, бесшумно, – эти слова явно предназначались мне.

На какой-то миг в голове у меня родилась мысль, что я ввязываюсь, возможно, в ещё большие неприятности. Но тут же мой разум привёл очевидный аргумент, что хуже смерти быть не может, а встреча с Кувалдой была бы последней в моей жизни. Поэтому я, уняв дрожь в ногах и стараясь не обращать внимание на головокружение, поспешил за Вильгельмом, который уже успел скрыться за углом. За спиной я чувствовал присутствие Федерико.

Не буду детально описывать нашу прогулку по ночному Брюгге. Очевидно, что мы успели разминуться с Жан-Эриком. Более чем через час плутания по городу мы зашли в гостиницу, которая была классом выше, чем та, в которой начался наш путь. Последовав за своими спутниками на третий этаж, я оказался в двухкомнатном номере. После того, как мы зашли в него, Вильгельм запер дверь и, взяв свежую одежду, направился в ванную. Роль гостеприимного хозяина досталась Федерико. Он снова улыбнулся.

– Может налить чаю или чего-нибудь покрепче?

Я, естественно, выбрал второй вариант. Вильгельм открыл бар, достал наугад бутылку и налил мне стакан джина. Вечер начал возвращаться в более спокойное русло. Мне удалось получить ответ на один из вопросов моей жизни: мне до тошноты не нравится джин, даже разбавленный тоником. Но оставался без ответа вопрос, почему двое незнакомцев спасли меня от Кувалды и его головорезов, а также, какова будет плата за это спасение. Я попытался обдумать сложившуюся ситуацию. Пока Федерико перекладывал в чемодан имеющееся при нём оружие, я, за неимением другого занятия, вспоминал события сегодняшнего дня. В этот момент у меня перед глазами возникла картина моего выхода на ринг. Мои спасители были теми людьми, с которыми разговаривал Жан-Эрик. Погрузившись в эту мысль, я инстинктивно сделал глоток из стакана, и порция джина вернула меня к настоящему моменту и заставила закашляться.

– Не пошёл? Ничего в начале джин мало кому нравится, но потом многие смиряют свою гордость, – Федерико продолжал улыбаться, и эта улыбка уже начала вызывать у меня зуд, но я себя сдерживал.

– И раскрывают истинный вкус джина? – я решил на этот раз вежливо поддержать беседу.

– Нет, они признают свой алкоголизм, – Федерико громко рассмеялся собственной шутке.

После этого он кинул свой пиджак на кровать, взял стул и уселся напротив меня.

– У тебя должно быть много вопросов, – он явно не спрашивал, а констатировал факт. – Уверяю тебя, сейчас Вильгельм закончит смену своего гардероба и присоединится к нам. Тогда мы объясним некоторые причины наших сегодняшних действий.

Не знаю, не было ли это срежиссировано, но в тот же самый момент открылась дверь ванной, и оттуда вышел Вильгельм, который успел сменить твидовый костюм на Чёрные брюки и жилетку в комплекте с рубашкой светло-жёлтого оттенка. Он тоже взял стул и сел напротив меня. Пока мой мозг пытался придумать, как мне выудить из них побольше информации и при этом не раскрыть все мои карты, мой язык вновь почувствовал свободу и направил меня коротким путём.

– Это вы сдали меня Кувалде? – из всех находящихся в комнате эта фраза больше всего поразила меня самого. Федерико только коротко хохотнул, а у Вильгельма немного приподнялись брови.

– Да, это были мы, – Вильгельм не пытался подсластить свой ответ.

– Но зачем? – я искренне недоумевал. – Вы меня подставляете, а потом сами же спасаете после своей подставы. В чём тут смысл?

– Видите ли, мистер Мбебанкове, мы хотим сделать Вам одно коммерческое предложение. И мы не могли не воспользоваться возможностью усилить нашу переговорную позицию. Теперь, когда за Вами гонятся люди Кувалды, мы надеемся, что Вы будете более склонны принять наше предложение о работе, – он был чертовски прямолинеен.

– Подозреваю, что искать моих посредников, через которых я ставил против себя, мне бессмысленно? – мне явно не нравились их методы ведения переговоров. – Их вы тоже слили Кувалде? То, что у меня нет тех денег, тоже усиливает вашу переговорную позицию?

– Зачем так эмоционально, Филипп? – Федерико попытался немного успокоить меня. – Да, с деньгами ты бы, возможно, даже слушать нас не стал бы. Но нам надо было доказать твоему боссу, что мы не обманываем его, потому сдали ему одного твоего человека. Но ты должен понять одну вещь. Неважно, сдали ли мы Кувалде твоего посредника или нет, в любом случае шансов выбраться из Брюгге у тебя почти не было. Твои приготовления не остались для него незаметными. Он знал, что ты что-то готовишь. Просто не догадывался пока, что ты будешь сливать бой. Но сбежать у тебя было бы мало шансов. Его люди следили за тобой, и он знал, что ты купил себе место на корабле. Если бы ты добрался до корабля, то его капитан сразу бы сдал тебя.

– Хорошо, Кувалда не доверял мне и следил за мной, но как вы узнали о моём плане?

– Один человек сдружился с тобой. Он находился здесь с другой целью, но нам повезло, и он согласился нам помочь.

– Это о ком ещё вы говорите? – Я был искренне озадачен. Своим планом я ни с кем не делился.

– Помнишь профессора, с которым ты часто общался? – улыбка Федерико стала мне казаться издевательской.

– Но я ничего ему не рассказывал.

– О, и не надо было. Он достаточно умный человек, чтобы понять, когда и что ты решил делать.

– Допустим я поверил вам, – я попытался сдержать своё желание свернуть им шею. – Так в какое дерьмо вы хотите меня запихнуть? Может мне лучше пойти и сдаться Кувалде? Он меня грохнет, но и вам придётся удирать, поджав хвосты.

Тут они и изложили своё предложение. Так как небо уже светлеет, то не буду вдаваться в подробности их предложения. Если кратко, то я должен был возглавить племя бунси. Прозвучало это, конечно, странно. Поэтому они объяснили, что для начала я должен стать их духовным лидером и заставить переселиться на новое место. Там, где они жили тогда, одна компания хотела начать поиск то ли золота, то ли драгоценных камней. Наличие племени дикарей

под боком их не вдохновляло. Просто перебить всех бунси не было вариантом для них. Всё-таки на дворе была прогрессивная середина двадцатого века. К тому же мои наниматели и те, кто стоял за ними, предложили более элегантный и, что важнее, дешёвый способ решения проблемы. Этим решением и должен был стать я. За это мне был предложен щедрый гонорар, намного больше, чем я заработал бы своим поражением. Также, что было не менее важно, мне пообещали, что Жан-Эрик не сможет добраться до меня.

Следующую неделю меня прятали от глаз любых преступников или людей, как-то связанных с Жан-Эриком. Когда шумиха вокруг моего последнего боя улеглась, меня вывезли во Францию. Там меня посадили на корабль, и я отправился в обратное путешествие домой. Признаться, я не планировал, что оно произойдёт так рано. По дороге меня стали готовить к роли жреца бунси. Когда я поинтересовался, не возникнут ли трудности с нынешним их мудрецом, оказалось, что моему предшественнику устроили его локальный рай на земле, поселив его в борделе, где у него был безлимитный кредит. На мой вопрос, почему сразу не использовали его, мне ответили, что старик был слишком слаб и потерял практически всякое влияние на племя. Поэтому им нужен кто-то молодой, энергичный и сильный. Так что я вспоминал диалект бунси, зубрил их легенды, а также то, что должно было стать их легендами.

Моё прибытие в племя не прошло гладко. Почти в течение года мне приходилось ломать носы местным воинам и возвращать утраченный авторитет Когто. В конце концов мне удалось забраться на вершину и увести племя на новое место. Пока я прорубал себе дорогу ко власти, мои наниматели подготовили его. Когда я привёл бунси сюда, то мне отдали моё вознаграждение. Мне оставалось только вдолбить в голову этим идиотам табу на возвращение в покинутую деревню, и я мог заняться подготовкой своего исчезновения. Но мне предложили остаться в роли Когто на неопределённый срок. Работа должна была быть непыльной. Иногда ко мне должны были бы приходить путешественники, и я бы кормил их своими байками, как и вас. Опять же мне предложили хорошие деньги, плюс сказали, что могут подсказать мне, как я смогу заработать дополнительно. К тому же они обещали обеспечить меня возможностями тратить заработанные деньги. И я решил принять их предложение.

С тех пор я несу свою службу. Сначала я выковывал более миролюбивый образ бунси. Пришедших гостей мы развлекали не только историями о пришельцах, но и якобы религиозными танцами. В шестидесятых всякие хиппи ломались к нам толпой. Это было прекрасное время. Облапошивать этих обкурившихся романтиков было проще простого, но именно из-за них я поменял образ бунси. Одна компания так увлеклась нашим гостеприимством, что двое подонков накурились и переспали с одной из моих жён. Этого стерпеть я не мог. Всю их компанию я велел утопить в болоте, предварительно заставив их пожалеть о том, что они столкнулись с моим племенем. Я ожидал, что мои работодатели устроят мне как минимум, нагоняй за это, но они только пожали плечами и сказали, что с основной задачей я справляюсь отлично.

Так я начал создавать воинственный образ бунси. Результат моих трудов вы могли оценить сами. Я считаю, что потрудился на славу. Вот, вроде, и вся моя история.

– Ты долго трепался, но кое-что нам не сказал, – первым из друзей молчание прервал Родриго. – Я так понял, что, находясь здесь, ты мог общаться со своими работодателями. Как это происходило? Какие средства вы использовали?

– Я говорил с ними также, как говорю сейчас с вами, – на лице Филиппа заиграла улыбка, но когда он увидел сжатые кулаки Клеменсо, то сразу вернулся к серьёзному тону. – Именно их люди приводили всех моих гостей.

– Жером работает на твоих нанимателей? – этот вопрос выпалил Пьер, но он видел, что у Джона с Родриго схожая реакция.

– Вообще-то только Жером и остался. Раньше их было больше.

– Ты можешь послать за ним? – способность действовать вновь вернулась к Родриго. – Похоже с ним нам тоже было бы интересно пообщаться.

– О, это вряд ли, – старик снова залился смехом. – Мне кажется, что даже если бы я захотел бы вам помочь, то в деревне бы его не нашлось. Он постоянно следил за вами и мне кажется, что он в курсе того, что вы наведались ко мне. Так что с уверенностью могу говорить, что он на пути к цивилизации.

– Похоже и нам задерживаться не стоит, – Клеменсо поднялся со своего кресла. – Нам надо постараться догнать его.

– Догнать? Не зная дорог? Не зная даже, в каком направлении надо идти? Вы очень самонадеянные, – Когто продолжал веселиться.

– К тому же я ещё хочу уточнить, что ещё ты знаешь о своих нанимателях? Мне кажется, что ты припрятал кое-что в рукаве, – Джон всё ещё сидел на своём месте и всем своим видом показывал, что во второй раз не позволит обмануть себя. – Ты так долго работал на них и ничего не узнал, не нарыл никакой информации на Федерико с Вильгельмом? Если начал говорить, то выкладывай свои карты до конца.

– Какой проницательный молодой человек, – старик вздохнул и, поёрзав в кресле, глубоко вздохнул. – Конечно, я пытался собрать информацию на них, но они умели замечать следы. Я нанимал людей следить за проводниками, пытался сам вычислить, кто они такие, искал информацию, где мог, но мои ресурсы ограничены.

Подчёркивая свои слова, он обвёл рукой пещеру, но затем вновь к нему вернулась его ехидная улыбка.

– Но кое-что я могу вам дать. В тот вечер, когда меня спасли от Кувалды, после того как принял их предложение, я отправился в выделенную мне комнату. Заснуть мне удалось не сразу. Хотя я и устал как собака, но слишком много выпало на мою долю событий за один день. И вот я решил воспользоваться баром, но подойдя к двери, я увидел свет под ней и услышал негромкий разговор моих спасителей.

– ... так что я думаю: мы должны положиться на мнение Джона. Он высоко оценил потенциал нашего гостя, – похоже, что Федерико был не уверен в моей кандидатуре и Вильгельм приводил ему аргументы за мою кандидатуру.

– Я всё понимаю и несколько не сомневаюсь в оценке Р.Р., но этот Филипп тот ещё прохвост. Мэтью, ты и сам понимаешь, что ему может прийти в голову какая-нибудь глупая мысль, и он выкинет фокус, из-за которого нам придётся вертеться как проклятым.

Что ж, оказалось Вильгельма звали Мэтью. Хотя теперь я не был уверен, что и это настоящее его имя.

– Повторяю, не переживай. Всё рассчитано и предусмотрено. Мы доведём нашего нового друга до цели. А теперь нам тоже пора отправляться отдыхать. Тебе надо, как можно скорее, вернуться в Новый город и доложить старейшинам о ходе операции. Потом не забудь передать послания на точку прибытия, нам нужен чистый проход через Бома, там он не должен пересечься со своими старыми приятелями.

На этом их разговор закончился.

– И чем это может быть нам полезно? Он же не назвал город, где обитают их старейшины, – Пьер был разочарован, что они всё ещё оставались на месте, а не двигались прочь от этой злосчастной пещеры.

– Вообще-то Новый город прозвучало именно, как название определённого места, но, если вы не сможете извлечь из этого пользы, то в этом нет моей вины, – Филипп демонстративно пожал плечами и вылил остатки виски себе в стакан.

– Ладно, с этим мы разберёмся потом. Теперь мы должны быстро выдвигаться отсюда, – Клеменсо поднялся из кресла. – Быстро говори, старик, как мы можем выбраться отсюда. Ты явно не живёшь здесь постоянно, и у тебя должен быть способ ускользнуть отсюда.

Настроение старика снова сменилось на более грустное. Он вздохнул, поднялся со своего кресла и направился к противоположной от входа стене. Подойдя к ней, он взялся за одну из тряпок, которыми она была увешана и откинул её в сторону. Конечно же за ней оказался проём.

– Следуйте за мной, – даже не проверяя, следуют ли за ним, он тут же скрылся в проходе.

Следующим к стене подошёл Родриго, и Пьер отметил про себя, что движения его товарища были более поспешные и дёрганные, чем обычно. Он решил объяснить это для себя тем, что даже аристократическая выдержка не может переварить мгновенно всю вывалившуюся информацию. У Лапуреля хватило ума не высказывать свои предположения вслух. Либо он оказался бы не прав и дал бы повод для шуток уже над ним. Либо он был бы прав, и в таком случае он мог бы вызвать непрогнозируемую реакцию аристократа, а такого нового опыта Пьер всеми силами хотел бы избежать.

Вслед за Родриго последовал Морган, который тоже не выглядел находящимся в своей тарелке. Он был молчалив и казалось, что непрерывно обдумывает какую-то мысль, лишь изредка отвлекаясь на внешние раздражители. Пьер вновь отметил, что это несильно вяжется с обычным образом Джона, которому он больше соответствовал несколько часов назад, когда убеждал их, что с Когто, а возможно и его историей, что-то не так.

Пьер остался последним в пещере Когто. Он не смог удержаться от театрального жеста и, хоть никто не мог этого видеть, обвёл рукой всю пещеру.

– Эта авантюра паршиво начиналась, но закончилась она хуже некуда.

Тут Пьер осознал, что в нынешнем состоянии его друзья могут и не заметить его отсутствия и оставить его в этом столь немилом ему месте. Со всех ног он тут же кинулся вслед своим товарищам.

Вскоре Пьер догнал Когто и Родриго с Джоном. Спустя минут пятнадцать блуждания по пещерам и переходам они вошли в одну из них, которая выходила к реке. Они увидели неспешно бегущую реку, которая устраивала красивые водовороты у входа в грот. Пока троица любовалась этим видом, Филипп, крихтя, наклонился возле воды и начал что-то искать. Спустя некоторое время он удовлетворённо хохотнул и достал из воды конец верёвки. Он потянул за неё и из-под выступа одной из стен пещеры показалась небольшая лодка с подвесным мотором.

– Вот она моя прекрасная нить Ариадны, которая помогает мне выбираться из этого лабиринта в мир цивилизации. Теперь вам надо будет где-то пять часов проплыть по течению. Тогда по правому берегу вы увидите мою скромную обитель покоя. Советую остановиться возле неё. Если решите пропустить пристань возле моего дома, то следующая точка цивилизации будет ждать вас часов через тридцать плавания. Так что советую быть внимательными и не особо глазеть по сторонам. От моего дома идёт дорога к ближайшему городу. До него вы сможете добраться часов за шесть. Ну, а как вы будете выбираться оттуда меня абсолютно не волнует. Я и так излишне щедр и добр к вам. Мне теперь придётся пару дней пешком тащиться через лес, чтоб забрать лодку назад. Но только посмейте повредить мою красавицу, и я, наплевав на последствия, пошлю за вами моих мальчиков.

Пока старик говорил эту проникновенную речь, Родриго устроился в лодке возле руля и махнул рукой, чтобы Пьер с Джоном поторопились (возвращаться за оставшимися в хижине вещами не было времени и смысла; ничего ценного или важного там не было, записи же о байках старика потеряли для них всякую ценность). После того, как и они устроились в лодке, двигатель был заведён, и Клеменсо направил её к выходу из пещеры.

Пьеру казалось, что момент требовал не оставлять последнее слово за стариком, и было чертовски важно произнести сейчас какую-нибудь короткую и при этом глубокомысленную фразу, которая подвела бы черту под их путешествием, но в голове только крутились проклятия разной степени детализации и цензурности.

– Чтоб ваши грёбанные комары подавились вашими грёбанными костями, – сквозь зубы процедил Пьер.

Глава 3

Их плавание по реке прошло спокойно. Первый час они молчали, каждый думая о чём-то своём. Потом Джон похоже вспомнил о том, что они не спали уже больше суток и, наплевав на неудобства лодки, заснул, тихо похрапывая. Сначала это раздражало Пьера, и он каждое посапывание Моргана сопровождал отчётливым фырканием. Но в конце концов он, похоже, решил, что лучшим выражением своего недовольства тоже будет сон. Только Родриго неотрывно смотрел на правый берег реки. Казалось, он считал, что дом Филиппа должен почувствовать этот взгляд и, принося свои извинения, выдвинуться на встречу Клеменсо.

К сожалению, дом старика оказался достаточно бесчувственным и показался только на исходе пятого часа плавания. Родриго направил лодку к пристани и тычком ноги разбудил Джона. Ответственные задания, где необходим был ручной труд и ловкость, он предпочитал поручать Джону. Пьер в тех случаях, когда не было необходимости молоть языком, был достаточно бесполезен и с равным успехом мог, как накинуть петлю на кнехт на пристани, так и каким-нибудь странным способом утопить лодку.

После того, как лодка была надёжно закреплена, товарищи разбудили Лапуреля. Он потянулся, зевнул и обругал неудобство своей постели. После этого огляделся и увидел, что их речное путешествие закончилось.

– И здесь старая задница соврал. Мне кажется, что мы и двух часов не проплыли.

Родриго решил оставить наблюдение без комментариев, а Джон тем временем, задрав голову, смотрел на солнце.

– Похоже, что солнце подбирается к полудню. Если мы хотим дойти до города, нам надо позаботиться о воде и провизии. Как-то не хочется мне после всего пережитого загнуться здесь из-за обезвоживания.

Клеменсо внутренне порадовался, что Морган стряхнул какую-то овладевшую им апатию и снова начал делать разумные суждения.

– О, твой внутренний американец чувствует приближение цивилизации, Джонни, и его дикая часть начинает снова преобладать над тобой. Похоже вы все сотканы из противоречий: можете вести себя культурно только в диких условиях, но в условиях нормального общества являете свою необузданную сущность, – похоже, что и Пьер тоже начал приходить в себя и вместе с тем вернулся к своей привычке постоянно поддевать Джона.

Родриго, увидев сжатые кулаки Моргана, решил, что драка, а скорее игра в догонялки между французом и американцем, сейчас ни к чему, и их надо вернуть к насущным проблемам.

– Ты прав, Джон. Мы должны продолжать пользоваться гостеприимством старика. Вот только я считаю, что нам необходимо расширить его границы. Предлагаю, пока отдохнуть несколько часов в его доме. Затем мы посмотрим, нет ли здесь какой информации, которую он хотел утаить от нас. Ну и, конечно, после этого мы пополним наши припасы.

Сначала Пьер открыл рот, будто пытаясь высказать контраргументы за немедленное выступление к городу, но затем о чём-то задумался и, нахмурившись, стал внимательно осматривать дом.

– Мысль здравая, только, как мы её реализуем?

– Позволь мне позаботиться об этом, – с этими словами Джон достал из лодки весло и, закинув его на плечо и, насвистывая Армию семи наций, направился по лестнице, ведущей к дому.

Не отставая, за ним шли Родриго с Пьером, который тоже стал напевать судьбоносную для них мелодию.

Подойдя к дому, Джон, недолго думая, выбил первое попавшееся ему окно и, аккуратно сбив осколки стекла, пробрался в дом. Пьер только пожал плечами, наблюдая за этим откры-

тым проникновением в чужую собственность. Они вместе с Родриго начали обходить дом по периметру и, свернув за очередной угол, увидели Джона, открывающего парадную дверь.

– Прошу чувствовать себя как дома, ведь его хозяин тот ещё засранец, – было похоже, что Джон решил выместить все накопившиеся чувства к мудрецу племени бунси путём максимально непочтительного отношения к его вещам. Родриго отметил про себя, что это очень инфантильное поведение, которое раньше не было присуще Моргану, но при этом он порадовался тому, что это настроение не овладело Джоном во время их плавания. Вероятно, лодка не смогла бы выдержать такое беспардонное поведение.

Тем временем Пьер первым вошёл в дом и, не теряя времени даром, начал его осмотр. Он быстро пересёк холл и скрылся за первой попавшейся дверью. Причина такого энергичного поведения проявилась несколько минут спустя, когда по дому разнёсся его крик. Даже плохо знающий французский язык Джон понял, что таким способом Пьер выражал чуть ли не высшую степень его радости и благодарности миру.

– Похоже наш французский товарищ обнаружил то благо цивилизации, к которому так стремился, – Клеменсо первым догадался, чем вызвана радость друга.

Этот факт впервые за последний десяток часов заставил их улыбнуться и, сами, понимая всю глупость происходящего, Родриго с Джоном начали смеяться в голос. В некотором смысле такая простая вещь, как обнаружение унитаза смогла хоть немного укрепить их в мысли, что и эти трудности им удастся преодолеть.

– Ладно, приятно возвращаться в нормальный мир, но теперь нам лучше посвятить время отдыху, – первым к более уравновешенному состоянию вернулся Родного, и пока Джон продолжал вытирать льющиеся из глаз слезы, направился на второй этаж, явно указывая на то, что он взваливает на себя право выбрать для отдыха хозяйскую спальню. В свою очередь Морган наугад открыл дверь и, обнаружив, что в помещении, скрывающимся за ней, есть предмет мебели, пригодный для сна, решил, что его поиски на этом можно завершать.

Когда Пьер отдал дань благам сантехники и вернулся в основной холл дома, то никаких признаков активного состояния своих товарищей он уже не застал.

– Вот же ленивые твари, не могли дожидаться меня. Но ничего, я никогда не оставлю друзей в их приключениях. Особенно приключениях, связанных со сновидениями.

С этими слова Пьер, долго не думая, упал на находящийся здесь же диван. И спустя несколько мгновений, он уже доказывал, что Лапурель всегда держится данного слова, особенно, когда это не доставляет ему никаких неудобств.

Когда Родриго проснулся, то первая мысль, пришедшая ему в голову, была, что не надо глупить, и он должен максимально использовать возможность для отдыха и восстановления сил. Но, когда он посмотрел на свои часы, то тут же выругался и вскочил с кровати. Ему казалось, что он только нашёл достойное место для отдыха, когда на самом деле проспал больше восьми часов. Он решил обязательно сделать внушения своим спутниками, чтобы они не начали расслабляться раньше времени. Пока что они находились на небезопасной для них территории и полностью терять бдительность ещё рано.

Когда же он спустился на первый этаж, то сразу услышал, что Джон с Пьером уже бодрствовали. Толкнув дверь, из-за которой раздавались их голоса, Клеменсо обнаружил, что они оккупировали кухню и, ведя свою обычную перебранку, готовили для себя еду.

– Даже не надейся, Джон, что я буду питаться твоей деревенской стряпнёй. Я просто отказываюсь питаться бобами. А ведь ты положил в своё варево бобы? Признайся, Джон, ты кинул туда не меньше целой банки консервированных бобов, – Пьер сидел на столе, болтая ногами и поедая что-то со стоящей рядом тарелки.

– Ну извини, я облазил все шкафы и холодильники, но лягушачьих тушек не обнаружил. Но в кладовке точно была бита для крикета, и такой умелый гурман как ты должен быстро наловить себе изысканный завтрак.

– Вот в этом и заключается беда всех американцев. Вы не можете выйти за рамки определённых схем. Очевидно, что в этом виновата молодость вашей нации. Представители более старых наций обладают большим опытом и умеют оценивать ситуацию в более широком контексте. Поэтому мой утончённый вкус вполне удовлетворяет этот божественный паштет из утиной печени. Интересно, как лживой скотине удалось получить его в этой дыре.

Понаблюдав некоторое время за этой беседой и решив, что это знак вернувшегося душевного и ментального равновесия Моргана и Лапуреля, Родриго решил вернуть их к более серьёзным проблемам.

– Вы решили, что, не разбудив меня, получите возможность бесконтрольно уничтожать запасы этого дома?

От неожиданности рука Пьера дёрнулась и, так как в этот момент он тянулся за очередной порцией паштета на французском бетоне, то этот кусочек деликатеса оказался на полу. В свою очередь Джон свободной рукой схватил лежащий рядом с ним нож.

– А, Родриго, мы уже часа два как встали, – увидев, что это Клеменсо, Морган тут же расслабился и положил нож назад на стол. – Просто мы решили, что ты единственный, кто не отдыхал во время плавания, и поэтому тебе необходимо больше времени для отдыха.

– К тому же не стоит так подкрадываться к людям, – Пьер, не обращая внимания на упавшую закуску, взял следующий кусок батона с паштетом, – Я-то просто могу остаться заикой, потерять из-за этого свой основной коммерческий навык и тихо сгинуть на грязных улицах Марселя. А вот в нашем ковбое может проснуться память предков, и он начнёт вести стрельбу из револьверов.

Родриго продолжал хмуриться.

– Значит вы решили предоставить больше отдыха мне и заодно продлить своё безделье?

– Никак нет, мон генераль! – Пьер спрыгнул со стола и, вытянувшись в струнку, отдал честь испанцу, почему-то левой рукой. – Я бы и хотел воспользоваться возможностью ещё понежиться от безделья, но этот сын прерий придал мне достаточный моральный и, что важнее, физический импульс.

– Не горячись Родриго, – хоть Джон и не поддержал шуточного тона Пьера, но он тоже посмотрел на Родриго с укором. – Последние два часа мы только и рыскаем по дому. Пьер перебирал бумаги, а я изучал обстановку дома. Просто мы решили сделать небольшой перерыв. Кстати, мы обнаружили пару интересных вещей, пусть напрямую и несвязанных с историей Филиппа.

– Но пока я предлагаю не отвлекать нас от принятия пищи, а может даже и присоединиться к нам, – Пьер взял следующую порцию паштета. – Когда мы насытимся, нам будет проще поделиться с тобой информацией, а тебе – её воспринять.

На этот раз Родриго решил не спорить, к тому же, увидев еду, его организм вспомнил, что за этот день он ещё ничего не ел. Осознание этого факта заставило его открыть холодильник и после недолгого, но вдумчивого изучения его содержимого, которое в основном состояло из пакетов с молоком, Родриго решил разделить участь Пьера и отрезал себе кусок паштета.

Несколько ближайших минут в кухне не раздавалось ни звука. Пусть каждый по-своему переживал этот момент, но всем им казалось, что эта общая трапеза может считаться символом окончания их путешествия. Да, им ещё предстоит одолеть путь до города и из него добраться до Киншасы, и только там они покинут африканский континент, но всё это казалось достаточно привычным и не должно было принести неожиданностей. Но вот последние крохи их общего обеда доедены, и Клеменсо решает, что не стоит дальше откладывать разговор.

– Так что вы нашли? Ничего связанного с таинственными нанимателями хозяина этого дома? – Родриго решил избежать ненужных словесных пикировок и сразу вернулся к сути их прерванного разговора.

– Увы, – Пьер мотнул головой, – ничего про ту странную парочку здесь нет. Хотя надо отметить, что и самого старика интересовала эта тайна. Я нашёл кое-какие его записи в кабинете, но там одни вопросы. Он пытался нанять детективов, чтобы они следили за проводниками, в том числе и Жеромом, но те не смогли нарыть ничего стоящего. Также он собирал информацию о той компании, которая, по сути, его наняла, но и тут пустышка. Она обанкротилась в начале семидесятых. Также среди бумаг есть некролог человека, который в это время руководил ею. Любящий муж, примерный отец и прочая, и прочая. Так что и здесь найти что-то нам не удастся.

– Зато я обнаружил одну интересную вещь, – Джон явно демонстрировал, что уже полностью морально восстановился. – Похоже старик не живёт на одно только содержание от таинственных работодателей. Он явно участвует в какой-то контрабанде. Я нашёл в подвале подготовленные к перевозке золотые слитки и драгоценные камни. Также там есть тайный ход. Похоже он ведёт куда-то в глубь леса. Наверное, нам не стоит излишне долго задерживаться здесь и рисковать встретиться с хозяевами этого груза.

– Джонни был достаточно зануден, чтобы разрешить взять в качестве компенсации за утраченные вещи хотя бы пару этих прекрасных камней, – Пьер явно надеялся, что случится чудо, и Родриго не поддержит решение Моргана.

В свою очередь Родриго оценил про себя тот факт, что Джон смог сдерживать алчность французского товарища. Меньше всего ему хотелось бы в нынешнем положении разозлить местных преступников.

– И он был полностью прав. В любом случае ты не смог бы их легализовать и получить за них полную стоимость, так что не стоит отвлекаться на посторонние вещи.

– Так что будем делать дальше? – деловой настрой Джона продолжал радовать Родриго. – Останемся ещё здесь – помощь вызвать отсюда мы не сможем, по крайней мере нормального телефона здесь нет – или, не тяня резину, отправимся по дороге в город?

Часть Родриго требовала немедленных действий, хотела сказать Пьеру с Джоном собирать вещи и через полчаса встречаться возле парадной двери, но всё же более разумным он признал необходимость ещё отдохнуть перед достаточно долгим переходом. К тому же Родриго хотел сам убедиться, что его приятели всё-таки не упустили что-нибудь важное. В нём уже зародилась и пустила корни новая идея, и он твёрдо решил следовать к новой цели.

– Вряд ли такой хитрый прохвост, как Филипп, мог позволить посторонним людям быть в его доме без его ведома. Так что, я уверен, у нас нет шансов встретиться с его партнёрами по бизнесу. Воспользуемся же предоставленным гостеприимством этого дома и отдохнём ещё. К тому же мы сможем ещё поискать секреты старого прохиндея.

Остаток дня товарищи провели, изучая комнату за комнатой и надеясь найти что-нибудь ещё. К их общему сожалению, никакой ценной информации они не смогли обнаружить. Только Пьер наткнулся на записи, в которых мудрец бунси записывал свои сказки, предназначенные для наивных путешественников и его дикарей. После их беглого изучения Лапурель сообщил, что прошлым днём они услышали далеко не всё литературное творчество старой задницы. О некоторых вещах Когто упомянул вскользь, о некоторых – вообще умолчал. После коллективного изучения приятели с невысказанной гордостью отметили, что некоторые намёки в услышанной ими истории они поняли абсолютно правильно.

Когда часы пробили десять, Родриго решил, что они достаточно времени потратили на изучение дома и хранящихся здесь бумаг и, так как выступать лучше было бы как можно раньше, заявил, что им стоит подготовиться к завтрашнему переходу и после отправиться спать. Эта мысль не вызвала никаких споров.

Ранним утром все трое проснулись почти одновременно – хотя спать, когда бодрствует Пьер и при этом не пытается скрыть этот факт, задача практически невыполнимая – и, не откладывая дело в долгий ящик, быстро подготовились к отправке в путь. Пребывая в достаточно хорошем настроении, они ступили на дорогу, которая должна была привести их к городу.

– Пьер, чем ты умудрился так набить свой рюкзак? – от взгляда Родриго не ускользнуло, что лямки рюкзака Лапуреля были сильно натянуты. – Я надеюсь ты не слишком сильно сгруппил? Повторюсь, неприятности с местным отребьем нам ни к чему.

– Не переживай так. Я вполне ясно понял эту мысль при её первом появлении. В подвале у старой задницы, помимо побрякушек, также есть неплохая коллекция вина, а мне кажется, что на обратной дороге в Европу меня будет мучить чертовски сильная жажда, которую сможет утолить только прекрасное вино.

Дорога в город не принесла никаких приключений. Единственным значимым событием было то, что набравший серьёзный запас коллекционного вина Пьер должен был признать ошибочность своего решения. Чем выше поднималось солнце, тем сложнее для него становилась его ноша. В свою очередь Родриго и Джон игнорировали все его слёзные просьбы о помощи, которые время от времени разбавлялись проклятиями, адресованными всему миру в целом и неправильной погоде в экваториальной Африке. Лапурель сдался, но этот процесс занял довольно длительное время. В конце концов Джон высказал мысль, что, если они заблудятся, то у них, благодаря стараниям Пьер, не возникнет проблем вернуться в дом Филиппа. Благо маловероятно, что местные птицы смогут утащить выкинутые бутылки. Пьер в свою очередь посоветовал не воровать шутки у грязного предателя Жерома.

До города добрался только один трофей. Его Пьер отказался выкидывать из ностальгических соображений. Это вино было родом из Прованса, и Лапурель поклялся, что вернёт его на родину, где оно найдёт покой, которого заслуживает – на дне его бокала. На этот раз Джон не удержался от проведения параллелей с Летучим голландцем.

Далее события развивались стремительно. Перед походом в земли бунси Родриго позаботился, чтобы во всех окрестных городах находились его люди. Поэтому, после того как незадолго до полудня они пришли в пункт назначения, и Родриго у первого встречного мальчишки узнал название города, он уверенно направился в центр города. Там он быстро нашёл отель, где должны были быть его люди. Появление в отеле компании приятелей вызвало небольшой переполох. Руководитель находящегося в городе отряда сначала не поверил своим глазам и потом долго извинялся за свою нерасторопность, оправдываясь тем, что возможное возвращение экспедиции ожидалось не ранее чем через неделю. После того, как он взял себя в руки, его действия были безукоризненны. Он быстро устроил друзей в лучшие номера гостиницы. Сообщил остальным отрядам, что их наниматель вернулся и всем необходимо возвращаться в Киншасу. Организовал транспорт для их возвращения в столицу. Он даже смог раздобыть доктора и предложил путешественникам проверить состояние своего здоровья, чтобы при необходимости можно было бы оперативно организовать необходимый им уход в Киншасе и после возвращения в Европу. Родриго и Джон отказались от последней услуги. В свою очередь Пьер заявил, что он уверен в наличии у него возможно не одной редкой болезни и необходимости показаться врачу, если не ради себя, то по крайней мере для того, чтобы у науки осталось описание его редких недугов. К некоторому сожалению, помимо солнечных ожогов, многочисленных мозолей и комариных укусов, врачу удалось выявить у него только симптомы обезвоживания. Пьер принял ту правду, что уровень знания у местных медиков находится на уровне «пристрелить пациента» и европейские врачи обязательно обнаружат у него интересную симптоматику. Успокоенный этой мыслью он тоже отправился отдыхать.

На следующее утро, как и планировалось, за ними прибыли два много повидавших вертолёта советского производства. На них вся троица вместе с сопровождающим их эскортом добралась до Киншасы. Там их встретили оставшиеся люди Клеменсо. С внушительным сопро-

вождением приятели были доставлены в международный аэропорт, где их уже ждал личный самолёт семьи Родриго.

Хоть со стороны казалось, что все трое уже морально восстановились после пережитых приключений и полученных знаний, но, когда они остались в самолёте одни – конечно, не считая экипажа и двух сопровождающих секретарей, которые расположились в отдельном салоне самолёта – все они погрузились в молчание. Каждый из них смотрел в иллюминаторы, и даже Родриго мысленно пытался осознать, что всё, произошедшее за последние четверо суток, не было плодом его воображения. Похожие мысли, вероятно, посетили и Джона с Пьером. Последний быстрее всех справился с этим настроением.

– Теперь меня никто не сможет обвинить в том, что моя нелюбовь к Африке беспочвенна. Этой почвы у меня теперь достаточно, чтобы взрастить огромный виноградник аллергии к этому континенту, – после этих слов Пьер демонстративно надел маску для сна и отвернулся от своих друзей.

– Да, наш Пьер решил вернуть всё, что ему задолжал сон, и с ростовщическими процентами похоже, – Родриго повернулся к Джону. – Тебя, я вижу, всё ещё беспокоит наше приключение, которое сложилось не так, как мы планировали.

– Ну это ещё мягко сказано, – Джон не скрывал своего истинного настроения. – У нас была цель. Мы хотели найти что-то, что раздвинуло бы наше представление о, о... Да обо всем. А теперь я чувствую себя участником глупого розыгрыша, который, наверное, зря отказался от своей научной карьеры. Я пока не знаю, что буду делать дальше.

– Не переживай, Джон, мы сами творим наше будущее, – Родриго решил на время откатиться от роли немного чопорного аристократа и поддержать своего друга. – И если ты захочешь выслушать меня после прибытия в Валенсию, то я поделюсь с тобой и Пьером новой целью, которую я теперь отчётливо вижу, и для меня будет честью, если вы решите присоединиться к моему новому походу.

Решив, что на этот день он израсходовал лимит своих эмоциональных эскапад, Клеменсо включил свой ноутбук и углубился в изучение скопившейся за последнее время электронной почты. Закончив проверять последние сообщения, Родриго достал из своего багажа свою любимую книгу об Александре Македонском. В свою очередь Джон продолжил задумчиво смотреть в стремительно проносящуюся под ними африканскую землю, которая, вероятно, внесла сильные коррекции в течение их жизней.

После приземления в аэропорту Валенсии троих товарищей забрала машина, принадлежащая Родриго, и доставила их в пригородный особняк, как ни удивительно, тоже принадлежащий семейству Клеменсо. После прибытия в Европу, как будто желая подчеркнуть невероятность произошедшего в Африке, действительность выжала тормоз, и приятели даже не пожертвовали хотя бы один вечер на обсуждение полученной информации.

Переодевшись в свежую одежду, Родриго сообщил, что его ждут неотложные дела, попросил не вешать нос и исчез вместе со своим водителем в неизвестном направлении. Джон находился в метаниях между противоположными состояниями. Днём, шатаясь по особняку, он думал о том, что совершил ошибку обрубив все связи со своей прошлой работой. Ему предлагали не горячиться и взять просто академический отпуск, но он был так уверен в результатах их исследований. Чем больше он ходил из комнаты в комнату, тем больше крепла в нём мысль, что он допустил инфантильную ошибку. Обычно часам к шести вечера он доходил до своей точки кипения, бросался в отведённую ему комнату и, включив компьютер, начинал писать письмо своему бывшему шефу мистер Малькольму. Каждый раз он писал, перечитывал и стирал весь текст: таким жалким он ему казался. К полуночи письмо сводилось к одному и тому же – пожалуйста, возьмите меня назад. И каждый раз засыпая, Джон думал, что утром он отправит его. Но просыпаясь утром и глядя на кажущееся бескрайним Средиземное море, он

вспоминал свой последний разговор в самолёте с Родриго и принимал решение дожидаться его возвращения. Пытаясь убить скуку, он начинал ходить по комнатам особняка Клеменсо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.